

ОТРАВА
Их Величества

Оксана Алексеева

16+

Реальные и выдуманные миры

Оксана Алексеева

Отрава Их Величества

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алексеева О.

Отрава Их Величества / О. Алексеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Реальные и выдуманные миры)

Простую девушку Отраву зовут ко дворцу - мол, только она может спасти королевскую династию. А она даже не знает, стоит ли та самая династия спасения! В путешествие с ней отправляется слишком разношерстная команда: невозможно сразу определить, где белое, где черное, кто из них прав, а кого умный человек и слушать бы не стал. Отраве придется повзрослеть и очень измениться, чтобы принять правильное решение. В оформлении обложки использовано изображение с сайта shutterstock.

Содержание

Эпизод 1. Лю из столичных	5
Эпизод 2. Нанья из болотных	12
Эпизод 3. Кровопийцы Кирами	17
Эпизод 4. Серебряное Облако	22
Эпизод 5. Кровопийцы Ронмару	27
Эпизод 6. Кристофер Кирами	34
Эпизод 7. Кто на свете всех бессмертнее?	39
Эпизод 8. Девушки в нижних юбках	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эпизод 1. Лю из столичных

– Да будет ласкова ночная звезда к твоим детям, хозяйка!

– Ну заходи, накормлю, напою, а потом расскажешь, кто таков и зачем явился.

Отрава издали заприметила незнакомого перевертыша, направлявшегося в их дом, потому-то и юркнула через дворовый вход и притихла в комнате за кухней. Мама, открывшая на стук, тоже была удивлена незваному гостю, но ответила по традициям. Отрава же наблюдала за пришлым через едва приоткрытую дверь. Он, конечно, сразу понял, что в доме, кроме старой возвращенки, есть кто-то еще – перевертыши отличаются тонким нюхом. Но Отрава все равно не спешила выходить. Не так-то часто в их деревню навещают путешественники, а уж прямоком в их дом – никогда.

В Тихой Речке жили по большей части возвращенцы, но и перевертыши тут водились, хотя свои, коренные. У подружек Отравы отец был перевертышем, а мать возвращенкой, но старшая их дочь родилась возвращенкой, а младшая – перевертышем. Тут уж как выпадет, но при этом невозможно с точностью сказать, кому повезло больше. Перевертышей легко отличить: у них всегда черные волосы и глаза. Настолько черными ни у возвращенцев, ни у кудесников не бывают.

Этот же гость был молод и очень мил, если Отрава из своего укрытия все правильно разглядела. Он безудержно улыбался и искренне нахваливал мамину стряпню, пока та места себе не находила от любопытства, но удерживалась от вопросов. Нрав у перевертышей обычно добродушный и веселый, если не считать коротких всплесков агрессии при восходе ночной звезды. Но при этом не следует забывать, что к обязанностям своим они относятся ответственно, как никто другой. У них стремление к честности и исполнительность – основные черты характера. Уж Отрава-то об этом знала не понаслышке: отец ее подружек следил в Тихой Речке за порядком, и уж если ловил кого на воровстве или клевете, то с наказанием не тянул. Селяне давно привыкли, что этот улыбочивый мужчина в мгновение ока становится жестоким палачом, когда речь идет о казни на деревенской площади. Правда, казней в Тихой Речке уже лет десять не случалось – когда люди живут тесной общиной, если каждый друг друга с пеленок знает, то мало кто решится на убийство. Потому на площади деревенская стража изредка устраивала показательные порки за мелкие кражи или мошенничество. На этом и все развлечения. Безобидных хулиганов или любителей пожевать лишай-травку, толкающую многих на безумства, наказывали обычно общественными работами.

Когда гость наконец-то дожевал последний ломоть хлеба и запил молоком, мать посчитала, что нормы этикета можно считать выполненными, поэтому дала языку волю:

– Ну! Ты кто таков?

Перевертыш мельком глянул в ту сторону, где спряталась Отрава, и ответил:

– Меня зовут Лю. Я из столичной стражи...

– Столичной?! – поразилась мать. Отрава ахнула – из Столицы на протяжении всей ее этой жизни к ним никто не забредал. Да и в прошлой она сама была в Столице только раз, по деловым вопросам.

– Из столичной, – улыбнулся реакции собеседницы перевертыш. – Я к тебе, милая хозяйка, по поручению...

– Поручению? Ко мне?!

Если бы перевертыши не были столь сдержаны, то Лю сейчас уже перестал бы улыбаться. Но он продолжил пояснять терпеливо:

– Поручению. К тебе. Точнее, не к тебе, а к твоей дочери.

Мама не отличалась быстрым разумом, а от удивления ее мышление затормозилось окончательно:

– Свататься, что ли, надумал? Которой дочери-то? – последний вопрос прозвучал резонно – у Отравы было шесть старших сестер.

– Седьмой.

– А что сразу к седьмой-то? – тут же сосредоточилась мама. – У меня их целый выводок! Может, для начала всех посмотришь?

– Нет. Мне нужна только седьмая!

Теперь и мать усталилась в то место, где до сих пор стояла уже всеми раскрытая Отрава. Она предпочла бы остаться там, даже обнаруженная, но матери стало не до церемоний:

– Доченька, поди-ка сюда! Ты когда успела со столичным хахалем познакомиться? Почему я ничего не знаю?!

От несправедливости обвинения к Отраве вернулся дар речи. Она вышла, спонтанно поправила передник и почти решительно пробормотала:

– Я не успела.

Перевертыш тут же вскочил на ноги и подбежал к ней. Без стеснения схватил за плечи и всмотрелся в лицо. Рассмеялся облегченно:

– Как удачно, что именно ты нас подслушивала! Это точно знак от звезд!

– Я не подслушивала! – заявила Отрава и покраснела.

Мама же отошла от первого удивления, вцепилась в гостя, оторвала от дочери и усадила обратно за стол. Отраву зашвырнула по другую сторону. Сама же уселась между и прищурилась:

– Сначала вы мне все расскажете, отсватаешься по всем правилам, а уж потом миловаться будете! И то, если позволю!

Но перевертыш на нее теперь внимания не обращал. Он смотрел на Отраву и говорил быстро, не пытаясь скрыть радости:

– Я тебя именно такой себе и представлял! Красавица! Но шупленькая какая... слабенькая... – он оценил ее хмурый вид и попытался это исправить: – Меня зовут Лю, ты уже слышала. Ты меня только не бойся! Я тебе вреда не причиню – наоборот, стану защищать даже ценой...

– Погодь! – мама выставила ладонь перед его носом. – Баранов в гору не гони! Я вам еще свое благословение не дала, потом защищать будешь! И у меня еще целый выводок до нее на выданье...

Но Лю никак не хотел отрывать счастливого взгляда от ее дочери:

– Красивая... Но такая худенькая! Нет ли у тебя проблем каких со здоровьем? Грамоте обучена?

– Худенькая? – мать не сдавалась. – Так ты нашу Росинку не видел. Бери Росинку – она в два раза толще тебя будет! И детей родит здоровых... Эй, я с кем разговариваю?

– Как зовут тебя, красавица?

Та ответила и попыталась улыбнуться, чтобы не выглядеть совсем деревянной:

– Отрава.

– О... Отрава? – он неодобрительно взглянул на мать. – Хозяюшка, ты зачем же дочери такое имя выбрала?

– Так тошнило меня сильно, пока ее носила, – отмахнулась она легко, потому как не посчитала эту тему достойной обсуждения.

Отрава своего имени не стеснялась – привыкла с детства. И не принято среди детей возвращенцев дразнить за имена, это же не их выбор. Возможно, у матери на седьмом ребенке фантазия иссякла? Или в самом деле ее тошнило так, как она рассказывает. Мама говорила, что пока беременная ходила, почти в уверенность пришла, что в прошлой жизни Отрава была убийцей младенцев, а иначе и не объяснишь настолько плохое самочувствие – ей-то было с чем сравнивать! Позже выяснилось, что мама сильно в предположениях промахнулась. Отрава к

своим двенадцати годам уже припомнила свою прошлую жизнь, и в ней она была вполне себе благочестивой купчихой – умной, деловитой, в меру прижимистой и слегка склочной... но не до такой же тошноты! Возможно, убийцей младенцев она была в позапрошлой, но Отрава не знала о той вообще ничего. Ну, а имя – оно имя и есть. Да и какая теперь разница?

Мама не собиралась выслушивать обвинения по такому пустяковому вопросу, но уточнила:

– А что, ты из-за имени и свататься раздумал?

– Какое сватовство, хозяйка? – изумился гость. – Я тут по важнейшему делу!

– Делу?

– Делу. Императорскому.

– Императорскому?! А... император случайно свататься к Отравушке не намерены?

– Это вряд ли, – перевертыш сначала задумался, но потом уверенно помотал головой. – Да нет же! У них же Ее Величество имеется!

Отрава следила за перепалкой, даже не удосужившись удивленно разинутый рот закрыть.

– И на кой хряк Их Величеству Отрава понадобилась?

Лю поморщился от неоднозначного смысла произнесенной фразы, но на этот раз на имени внимания заострять не стал:

– Я тебе все сейчас расскажу, хозяйка, вам обеим, но при одном условии...

– И каком же?

– Ты дашь мне возможность высказаться! – рывкнул он и дождался, пока хозяйка обиженно насупится и кивнет. – Так вот. Его Волшебное Очарование и Держатель Дворцовой Защиты От Магического Нападения...

– Кто? – не сдержалась мама.

Лю посмотрел на хозяйку укоризненно, она демонстративно зажала рот рукой и снова кивнула. И только тогда он продолжил:

– В общем, Великий Кудесник Левоморья увидел будущее.

На этих словах Отрава придвинулась ближе. И откинула предыдущее удивление, чтобы удивиться втройне. Она про кудесников, способных предсказывать будущее, только легенды слыхала и в этой, и в предыдущей жизни. А тут – вот прямо перед ней – сидит человек, который лично с таким знаком! Да еще и такой улыбочиво-симпатичный. Кажется, именно этот «Держатель Дворцовой Защиты» несколько лет назад и предсказал очаг чумы, позволив начать карантинные мероприятия еще до вспышки. Тогда, вместо всеобщей эпидемии в Левоморье, только изолированный от остальных десяток человек погиб – поразительный успех. Подобными предсказаниями Великий Кудесник прославился на всю страну, а может, и мир. Умеющих видеть будущее единицы, и каждый, само собой, на вес золота. Их-то деревенские кудесники только хворь легкую магией лечить умели, детей грамоте обучать, ну и, конечно, в кости всех обыгрывать да лишай-травку заговаривать.

Лю добавил:

– И увидел он, что нашему государству грозят страшные испытания.

– Чума? Война? Неурожай? – Отрава с матерью наперебой озвучивали самые жуткие догадки.

Но перевертыш покачал головой:

– Хуже! – дождался их оцепенения и пояснил: – Падение династии!

– Чего падение? – переспросила мать, и после краткого объяснения Лю облегченно выдохнула.

Отрава помнила рассказы деревенского учителя-кудесника. В Левоморье политическую власть можно было назвать абсолютно стабильной. Вот уже на протяжении десяти тысяч лет на троне попеременно сидели два возвращенца. Когда-то они были братьями-близнецами, захватившими престол. Их мать отличалась еще меньшей фантазией, чем Отравина, поэтому

назвала сыновей просто: Первый и Второй. В ходе переворота Первого убили, потому императором стал Второй. И пока он правил, Первый успел переродиться и повзрослеть до двенадцати лет, к которым каждый возвращенец вспоминает предыдущую жизнь. Его тут же доставили во дворец к родне из прошлой жизни. А когда Второй умер в глубокой старости, то на троне оказался Первый. Так они и царствовали по очереди: Первый, Второй, Первый, Второй... Понятие наследственной монархии приобретало в Левоморье самый прямой из возможных смыслов. Как только преемник мог доказать свое право, его тут же готовили к одновременно будущему и прошлому статусу, при этом не имели проблем с обучением – воспоминаний из прошлой жизни хватало. По этой причине Левоморское общество и отличалось стабильностью... и запущенной застойностью.

– Что нам-то с этого падения династии? – смеялась мать. – Нам до этой «династии» три месяца пешком топтать! У нас политическая система простая: приехали сборщики, содрали налоги, порядок тут местная стража поддерживает. И мне до темного хряка, кто там на троне сидит.

– Хозяйка! – вскрикнул Лю и даже на месте подскочил. – Ты что мелешь? Не забыла, что я имею полномочия тебя прямо сейчас на городской площади выпороть за такие революционные гнусности?

– Ой, – мать тут же испуганно притихла. Она, как и Отрава, знала, насколько перевертыши серьезно к работе относятся. И если этот на службе императора, то может и на куски разорвать за неприятные высказывания. Если перевертыш поклялся в верности, то хоть весь мир под землю провалится, он до самой смерти слова не нарушит.

Отрава, чтобы сгладить возникшую неловкость, тут же вставила торжественно:

– Да защитит дневная звезда Их Величество императора Первого!

– Второго! – возмущенно поправил Лю, но только взглянул на нее, как тут же улыбнулся и сбавил тон. – Императора Второго. Но я понимаю, что до этих мест новости медленно доходят... хотя император Второй правит уже сорок лет. В общем, если бы вы обе разбирались в политической системе, то от такой новости в обмороки бы попадали! Десять тысяч лет мы живем в мире...

– Угу, и в нищете, – буркнула себе под нос мать.

Лю повысил голос:

– И даже кровопийцы помалкивают! Знаете, что тут было до того, как императоры-близнецы свергли предыдущую власть? Того же хотите?

На это матери нечего было возразить. Хуже кровопийцы может быть только коронованный кровопийца. Рабство, пытки и безнаказанные убийства были узаконенной нормой поведения только для этой расы. А теперь они разбрелись по своим древним замкам и, как выразился Лю, помалкивают. Отрава на самом деле ничего не понимала ни в политике, ни в экономике, но сейчас первоочередным вопросом был другой:

– Так и при чем тут я?

Лю снова улыбнулся ей, потом, чуть более натянуто, матери, и продолжил рассказ:

– Его Волшебное Очарование и Держатель Дворцовой Защиты От Магического Нападения в этом мрачном будущем увидел некий выход. Девушку, тебя. Он не может сказать точно, какова твоя роль, но именно ты и именно в этой жизни каким-то образом остановишь падение имперской династии. Поэтому нынешняя твоя жизнь становится чуть ли не ценнее жизни самого императора Второго. Или Первого, если он уже родился.

– Сынок, – заискивающе, чтобы полностью стереть свои оговорки из памяти перевертыша, поинтересовалась мать, – но почему именно Отравушка?

Он кивнул, подчеркивая этим, что вопрос закономерный:

– Великий Кудесник многое смог узнать об О... Отравушке. Суди сама: место и время рождения, семья, состоящая из потомственных возвращенцев... – он тут же переспросил у хозяйки: – Ведь это так?

– Ну да. Насколько я знаю, и у моего мужа в роду не было ни перевертышей, ни кудесников. Так что вполне себе потомственные.

Он был доволен ее ответом.

– Возраст. Отраве сейчас восемнадцать, верно?

Пришлось обеим и с этим согласиться.

– Седьмая дочь...

– Да тут таких, как овец нестриженных! – отмахнулась мать. И преувеличила не слишком сильно. В их деревне в некоторых семьях и по двенадцать детей было.

Но Лю этот аргумент не засчитал:

– Дальше – внешность. Я вам объясню, как Великий Кудесник мне объяснял. Волосы светло-русые. Рост – мне ровно до плеча. Ведь так? Конституция субтильная...

– Чего? – перебила его мать.

– Неважно. Надежда нашего государства должна быть худенькой, но я не предполагал, что настолько. Родинка на шее – я сразу разглядел, потому что знал, где глядеть. Глаза... так, сейчас вспомню дословно... желтые, как у козы! Вот.

Надо же, Отрава раньше думала, что у нее глаза цвета дневной звезды или хотя бы осенних листьев... А оно вон как со стороны выглядит.

– Если не верите, то у меня все записано! – Лю тут же поднял с пола свой рюкзак.

– Не надо, – остановила хозяйка, которая читать так и не научилась. – Ты мне вот только одно скажи – если Отравушка моя настолько ценна для спасения этой твоей династии, то почему ж за ней армию перевертышей не прислали да с царскими носилками? А если моя доченька сейчас вот с этого крылечка пойдет и навернется, свернув свою бесценную шею с родинкой?

Доброта матери границ не знала. Но надо было отдать должное ее бытовой мудрости – вопрос она задала правильный. Лю только улыбался:

– Чтобы внимания к ней не привлечь. Великий Кудесник не знает, что именно она сделает в будущем, осознанно она это сделает или случайно! Но если речь идет о перевороте... если враги уже задумали недоброе, то стоит им только узнать о существовании спасительного элемента, как они до нее доберутся, и все накроется темным хряком. Она-то переродится, но уже совсем в другом мире...

Мать рассеянно глядела в окно, и лишь через несколько мгновений ожила:

– А вот и Отравин отец идет. Сейчас все ему по новой объяснишь, потому что я ни лишая не поняла, – и закричала: – Волдырь, давай быстрее, у нас такое творится!

Следующая неделя была наполнена массовым сумасшествием. Оказалось, что Лю вовсе не собирается оставаться в Тихой Речке, чтобы присматривать за Отравой, а наоборот, намерен ее незаметно для врагов доставить во дворец. Но родители Отравы этот вариант никак не хотели принимать.

– Уважаемая Забава! – в который раз Лю пытался уговорить мать. – Да пойми же, что там будет безопаснее. Их Величество пока не знает о предсказании... во избежание паники. Но когда Отрава будет стоять перед ним, живая и невредимая, то у всех посвященных в тайну камень с души упадет. Великий Кудесник там, уж под его защитой с ней ничего не случится! И ведь мне в ином случае пришлось бы остаться тут...

– Так и оставайся! Если ты, как утверждаешь, считаешься лучшим в столичной страже, то и в деревенской тебе место отыщут!

– Вот именно, что лучший! Мое отсутствие уже заметили! А если враги начнут искать? Мы вашу Отраву тогда всей деревней не отобьем! Даже скитаться по лесам не так рискованно. Зато, когда она будет в безопасности, корона вас отблагодарит, уж поверьте.

– Отблагодарит, отблагодарит, – кричала все громче мать. – Да вот только мы доченьку растили не на продажу! Мы дочерей только замуж отдаем, ясно? Вот бери Отраву замуж, тогда и поговорим!

Отрава на всякий случай покраснела, но Лю на нее даже не посмотрел:

– Да... как же это... вот так сразу и замуж?

Сестры захихикали, а Росинка даже хлопнула ее по плечу, но Отраве такие шутки не нравились. Лю был очень привлекательным, а перевертыши считались самыми добрыми и справедливыми мужьями. Да что уж там, по сравнению с ее деревенскими друзьями, да еще в своей столичной одежде из тонкой замши и с умением так гладко и красиво говорить, он выделялся заметно. Но разговоры о замужестве на второй день знакомства были неуместны. Это ж как так можно – без любви да в общую семью нырять? И только потому, что он надолго, если не на всю жизнь, привязан к ней обязанностями?

Но сама она решение приняла быстро: если сейчас не уйдет с Лю, то так и проведет эту жизнь в Тихой Речке. Она в Столице только в прошлой жизни была, разочек, но даже эмоций тех теперь не помнит – только факты. Все остальное время тоже в своем поселке, сильно напоминающем Тихую Речку, и просидела. А вот такие повороты судьбы мимо не пропускают! Даже почти бесконечное Великое Колесо Жизни можно крутить в унылом ожидании чуда, но ведь и оно когда-нибудь закончится. Отрава кровопийц и тухляков только на картинках видела. И если первых предпочла бы и не встречать, то к тухлякам у нее накопилось множество вопросов. А море? В одной книге писалось, что цвет моря красками повторить невозможно. Как же ей хотелось этот цвет своими глазами оценить! Так она и сказала Лю, когда он ее прямо об этом спросил. Но мама не сдавалась – в Столицу она дочь не отпустит.

Соседи зачастили. И если поначалу они заходили, придумывая какой-нибудь предлог, то уже очень скоро просто заваливались толпой, сгорая от любопытства – зачем же чужак из Столицы в такую уважаемую семью пришел и никак не уходит?

– Да просто Отравушка наша избранная! – хозяйка осеклась, вспомнив, как Лю строго-настрого запретил ей распространяться о сути миссии. – В смысле, избранница его.

Лю с такой постановкой вопроса не спорил, одобрительно кивая. Какая ему разница, что соседи, которых он никогда больше не увидит, подумают? И эта свобода слова развязывала язык хозяйке, которой только повод дай прихвастнуть:

– Он со своей свитой в наших лесах охотился. Вот тогда мою красавицу и заметил.

– А что Отравушка так далеко в лесу делала? – интересовалась настырная соседка.

– Так... траву собирала, грибы там... Неважно! В общем, как зятек ее увидел, так сразу и полюбил!

Соседушки ахали, сестрицы хихикали.

– И говорит ей: «Выходи за меня замуж! У меня и замки, и крестьяне, и земли похлеще, чем у кровопийц. А я любить тебя буду до последнего переворота. И жить мы с тобой будем счастливо, и родим много перевертышей и возвращенцев!»

Лю очередное аханье перебил веселым:

– Так и сказал! Так что, отпустите со мной Отравушку? А сами к свадьбе приезжайте... в мои замки и земли.

Мать тут же нахмурилась:

– А я не отпускаю!

– С чего вдруг? – соображала та же соседка. – Отчего ж не отпускаешь, Забавушка?

– Потому что они еще мало знакомы! – придумала мама на ходу отговорку. – Пусть тут живут, зачем им замки? Они ж не кровопийцы какие, чтоб в замках жить.

– Совсем старуха спятила... – заключила соседка. – Лю, милоч, айда ко мне – у меня три дочки на выданье, я точно отпущу, если слюбитесь. Хоть всех троих и отпущу.

У Отравы голова кружилась от этих бессмысленных споров. Поэтому через неделю она сама посреди ночи тихонько пробралась в ту комнату, где на полу постелили гостю. Лю, как и все перевертыши, вставал с рассветом и укладывался спать до восхода ночной звезды.

– Лю, – она позвала очень тихо, зная, какой чуткий у перевертышей слух. – А давай сбежим? Потом маме записку с почтовиком пришлем.

Он ответил сразу, будто и не спал вовсе:

– Не дело это – так поступать. Надо сначала тут договориться, чтоб совесть чиста была. Я должен!

Перевертыши с этой своей ответственностью иногда выглядели неисправимыми занудами.

– Тут мы не договоримся. Я своих знаю... Вот и взвешивай, кому ты больше должен – моей маме или своему императору?

Он размышлял ровно мгновение:

– Вещи теплые захвати.

Перевертыши с этой своей ответственностью так легко управляемы!

Эпизод 2. Нанья из болотных

После шести часов ходьбы ноги ныли невыносимо. Отрава отвлекалась от усталости пустой болтовней:

– О чем задумался?

– О том, как буду представлять тебя во дворце. Как обрадуется Великий Кудесник, как мы обо всем расскажем Их Величеству. Но... что же за имя у тебя такое?

– Это тебе с непривычки ухо режет. Ты же знаешь, возвращенцы дают имена детям по наитию. Если мать взяла новорожденного впервые на руки и случайно обронила взгляд на новые занавески, то Занавеской и назовет. А иначе нельзя! Иначе Великое Колесо Жизни можно остановить!

Он только вздыхал:

– Может Отрада? Почти то же самое.

– Это совсем другое имя! Так одну из моих сестер зовут.

– Ну... тогда Трава? Почему нет?

– А так зовут другую мою сестру.

– Просто Ота?

– Только перевертыши дают своим детям такие короткие имена, которые непонятно что означают!

– Ота. Точно. Самое оно.

– Ни за что! Ты хочешь, чтобы я больше не переродилась, что ли?

Он снова тяжело вздохнул, но больше не спорил.

Чем дальше они шли, тем медленнее Отрава переставляла ноги и тем чаще спотыкалась.

– Лю, ты почему же без коня? Неужели тебе даже коня для такой важной миссии не выдали?

– Ота... Отрава, я ж перевертыш! Сам себе конь. Ты так быстро устала?

Отрава не ответила на вопрос прямо:

– Ты-то перевертыш, а я-то нет. Для меня бы коня прихватил, – она старалась, чтобы слова звучали не жалобами, а просто способом поддержать разговор.

Лю остановился и посмотрел на ее обувь – удобную и мягкую, но вряд ли приспособленную для длительного похода. Точнее, сама Отрава, никогда так далеко от Тихой Речки не бывавшая в этой жизни, была для такого похода неприспособленной.

– Так и планировал. Купить коня для тебя, но ведь мы сбежали посреди ночи!

Отрава понурила голову. Сама ведь виновата, даже спорить бессмысленно. Признаться, что дальше идти без отдыха не может, улечься на землю и порыдать? Но Лю и сам перебирал идеи:

– Можем делать привалы не только на ночь, но и в середине дня. Это я зря тебя под свой ритм сразу загнал. До города дойдем, там коня купим. А пока я перевернусь собакой, на мне поедешь.

Отрава вытаращилась на него. Конечно, она много раз видела, как деревенские перевертыши зверьем или предметами оборачивались – даже маленькой лошадкой, что поней называется, могут. Детские игры от этого становились только веселее. Но вряд ли кто-то из ее знакомых смог бы выдерживать на себе взрослого человека! Ведь перевертыш меняет только форму, а не силу или вес. Лю, видя ее смятение, рассмеялся:

– Мы так намного быстрее передвигаться будем. Тебе только поначалу придется наловчиться держаться и привыкнуть к тряске, а потом будет просто!

Он тут же стянул через верх рубаху, ухватился за штаны.

– Эй! – вскрикнула Отрава и отвернулась. – Ты что же делаешь?

– Извини... Я думал, что ты уже видела перевертышей...

– Видела, конечно! Но воспитанные перевертыши при людях не раздеваются!

– Извини, – повторил он серьезно. – Вообще-то, это не считается зазорным... в Столице.

– Вот в Столице голой задницей и щеголяй! – отреагировала Отрава резко, чтобы скрыть собственное смущение.

Ехать на огромной черной собаке было неудобно, хоть Лю и старался передвигаться неспешно. После того, как он перевернулся, Отрава собрала его вещи в рюкзак и залезла на спину. Наплевав на правила приличия, которые ей приходилось придумывать на ходу, она просто улеглась на него и обхватила руками за толстую мохнатую шею. Так хотя бы казалось, что трясет меньше. Верхом на лошади она ездить умела, но вот тут пригодилось бы седло. На ходу придуманные правила приличия пока не давали ответа – красиво ли о таком спрашивать перевертыша. «Ты не возражаешь, если я тебя оседлаю?» – нет, звучало не очень. Но Лю вежливый, он не покажет, даже если она что-то совсем обидное скажет. Он раздражение демонстрирует, только когда про его работу или императора плохо отзываются, но Отрава это запомнила и не затрагивала подобных тем.

Так они действительно двигались быстрее, но зато и разговаривать не могли – человеческая речь собаке неподвластна. И если самой Отраве было интересно наблюдать за незнакомой местностью, то Лю заскучал. Об этом он сказал, после того как вечером перевернулся в человека и оделся:

– Это не очень удобно – говорить одной, но ты уж попробуй. А то я на бегу засыпаю.

– О чем же говорить? – Отрава скидывала собранный хворост, чтобы развести костер.

– Просто рассказывай о своей этой жизни. Или прошлой – мне все интересно. Или про ваш тихореченский быт. Или как вы овечьи шкуры так хорошо выделяете. Или просто песни пой. А на привалах я буду переспрашивать, если меня что-нибудь заинтересует.

– Попробую, – честно пообещала Отрава.

Они перекусили вяленным мясом и украденными с маминой кухни пирожками. И сразу улеглись спать. В начале лета погода в этих краях была и ночью настолько теплой, что никаких особенных изысков для ночевки не требовалось. А днем было жарко даже в простой тонкой рубахе.

Подложив свернутую куртку под голову, Отрава смотрела на огонь. До нее только теперь начало доходить, какие изменения случились за истекший день. Она оставила всех родных и друзей, даже не попрощавшись. Конечно, позже она оповестит о себе, а пока они и сами догадаются, что произошло – мать с отцом разозлятся, а сестры будут хихикать. Подружки, возможно, станут завидовать... Увидит ли она их снова? Конечно. Будет ли скучать? Было бы время скучать. Хотя, наверное, все равно будет. Эти мысли были невыносимо тяжелыми, чтобы остаться с ними наедине.

– Лю! – позвала она тихо. – Спишь уже?

Он, до сих пор лежавший неподалеку от нее, резко сел, и Отрава увидела лицо с таким злым выражением, которого она даже представить не могла.

– Сплю, не сплю, тебе какое дело?! – рявкнул он. – Лежи себе, отсыпайся, Отрава, чтобы завтра мне весь день опять в ухо мерзко сопеть! Как же тебе подходит это имя – лучше не придумаешь!

Она только глазами хлопала. Теперь-то ясно, почему перевертыши всегда укладываются спать рано. Отрава знала, что на восходе ночной звезды у них сильно портится настроение. В этот период лучше вообще не трогать, а то простой фразой можно до бешенства или даже убийства довести. Знать-то она знала, но видела впервые – в Темной Речке даже маленьких перевертышей отправляли спать рано, а уж взрослые и сами предпочитали запирались на семь замков в своих комнатах.

– Извини, Лю, – голос ее едва заметно дрожал. – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи?! Да ты мне весь сон испортила! Завтра я на тебе поеду, гадюка неблагодарная, понятно?! – он вскочил на ноги и направился к ней, заставив всю сжаться от страха. – Чего ты свои козлячьи глазки вылупила?! Встань, когда с тобой разговаривают!

Отрава же, наоборот, вся сжалась и почти захныкала, проклиная свою глупость:

– Извини, извини... Их Величество вряд ли обрадуются, если ты меня прямо тут при-
бьешь.

Это сразу его охладило. То есть настроение у Лю не поднялось, но он вернулся на свое место и еще долго ругался. Отрава больше не произнесла ни звука. Озверевший перевертыш, не находя в ней такого необходимого отклика каждому своему ругательству, снова вскочил, кинулся к ней, сжимая кулаки до белых костяшек, потом заставил себя остановиться, сорвал одежду и тут же перевернулся в бесформенную коричневую массу. К счастью, без зловонного запаха. И наконец-то затих.

Наутро Отрава попятилась, увидев его доброжелательную улыбку. Но он только улыбнулся еще шире:

– Я извиняться не стану – сама должна была знать! Нас даже в ночную смену не берут. Кудесники и возвращенцы разбудят в случае опасности... Но разбойники по ночам никогда не нападают – знают, что нам только повод дай.

Отрава кивнула:

– Да, я знала, просто так переволновалась от этих перемен, что забылась. Потому это ты меня извини.

Лю только отмахнулся.

– Пойдем к ручью, умоемся, перекусим, да в путь.

На третий день Отрава уже полностью вошла в ритм путешествия. Она уже на тысячу кругов спела Лю все известные песни и пересказала все известные байки. А потом и про обе свои жизни все выложила – было бы что выкладывать! Отрава не отличалась болтливостью, но заставляла себя говорить, каждый раз припоминая, что это единственная плата за то, что они так быстро и без усилий с ее стороны приближаются к цели. А достичь цели ей хотелось все сильнее. Особенно после вчерашнего вечернего рассказа Лю о дворце и тамошнем укладе. Увидеть Столицу и умереть. А потом, переродившись, снова сбежать из дома, чтобы оказаться там.

Лю остановился так неожиданно, что замечтавшаяся Отрава чуть с него не свалилась. Впереди стояла девушка, которая смотрела на них испуганно.

– Вы не разбойники?

Поскольку только Отрава могла озвучить их общее мнение, она прибавила в тон уверенности:

– А ты сама-то не разбойница?! Если дружки твои по кустам прячутся, то... у нас тоже дружки по кустам прячутся!

Девушка нервно затрясла головой и нерешительно шагнула ближе:

– Нет-нет! Я не разбойница!

– Тогда что же ты делаешь на лесной дороге одна? – Отрава заговорила мягче, хоть до сих пор опасалась неожиданных стрел со сторон.

– Смотрите! – та закатала широкий рукав и подняла руку вверх, чтобы Отраве было лучше видно. – Я сбежала от кровопийц! Вот! Рана еще не затянулась.

На ее запястье в самом деле виднелись красные рваные отметины. Лю дернулся, и Отрава, поняв его просьбу, тут же спрыгнула на землю. Он обратился за ее спиной – это было слышно по тихому хрусту костей. Отрава перекинула назад рюкзак с его одеждой. Перепуганной беглянке же и дела не было до его наготы, или в ее поселении к таким вещам тоже относились просто.

Лю вышел вперед, натягивая рубаху. Тут же наклонился к девушке и погладил по плечу, успокаивая:

– Все, все. Сбежала и славно. Как зовут тебя, кудесница?

Надо же, а Отрава и не подумала, что видит не возвращенку. Перевертыши, конечно, ориентировались по запаху, а по внешним признакам кудесники почти не отличались от возвращенцев. Ну, быть может, только рыжие среди них попадались намного чаще. Эта как раз огненно-рыжей и была.

– Нанья. Я из Болота.

Выяснилось, что Нанья из болотных сама пошла в замок к кровопийцам. Те щедро платили за кровь. А уж кровь кудесников ценилась превыше других. Так она, дескать, решила подзаработать на место в караванной повозке до Столицы. С детства мечтала поступить в тамошнюю Школу Высокого Колдовства, да и таланты ее учителя нахваливали. Для осуществления мечты ей только денег не хватало. Родители Наньи были обычными знахарями в глухой деревеньке. В таких поселеньях, как Тихая Речка или Болото, богачей вообще не водилось. В добровольной сдаче крови ничего постыдного не было, тут многие только тем и зарабатывали. Да и Нанья ходила в этот замок уже не в первый раз, и до сих пор никаких проблем не было – тамошний кудесник берет кровь, делая надрез выше запястья под обезболивающим заклинанием, а потом сам же и заживляет ранку. Нанья рассказывала об этом спокойно, Лю и глазом не моргнул, потому Отрава и не стала интересоваться моральной стороной взаимодействия с кровопийцами. Поскольку рядом с Тихой Речкой ни одного замка кровопийц не было, вот местные там и непривыкшие.

Так вот, когда замковый кудесник извлек из Наньи крови на маленькую пробирку, к ним явилась сама госпожа. Тут же одним глотком выпила и милостиво предложила кудеснице погостить у них. Нанья отказалась – боязно, да и полученных денег на проезд до Столицы должно было хватить. И тут в госпожу кровопийцу будто темный хряк вселился, она вцепилась зубами девушке в еще не заживленную рану. Та, конечно, закричала, но даже замковый кудесник ей на помощь не кинулся – сам сбежал. Но госпожа, конечно, не могла знать, что у Наньи сильные способности, поэтому кудесница сначала ее огрела огненным шаром, а потом и выбежала из замка. Перевертыши у открытых ворот ее останавливать не стали, потому что приказа такого не получили. Но Нанья бежала, пока задыхаться не начала. Ведь если госпожа прикажет охранникам догнать, то они догонят. Судя по всему, преследования не было, но кудесница надеялась наткнуться на деревню, чтобы передохнуть и дожидаться там торгового каравана.

Лю во время ее рассказа хмурился все сильнее. А когда она замолчала, начал задавать сухие вопросы:

– Как далеко до замка?

– Да меньше трех часов ходьбы...

– Почему ты не побежала в город? Ведь там вся стража. А в эту сторону до ближайшей деревни почти четыре дня, если пешим ходом.

– Так о чем ты говоришь? Я просто бежала и бежала! Думать было некогда...

– Сколько кровопийц в замке?

– Я... видела только госпожу...

– Сколько людей пропало за последний месяц в этой местности?

– Да откуда же мне знать?

Отрава не выдержала:

– Лю, прекрати этот допрос. Разве ты не видишь, как бедняжка испугана? А ты будто ее обвиняешь!

– Нет, не обвиняю, – он тут же доброжелательно улыбнулся Нанье. – Ты ведь понимаешь, что не обвиняю? Тут нарушен закон, а я представитель стражи, хоть и не из этих мест.

– Да, конечно, понимаю! – та оживала на глазах. – И если ты закончил, давайте посмотрим, что у вас перекусить найдется, а то у меня от перепуга в животе урчит.

Когда Нанья полностью пришла в себя, то стала сильно отличаться от той запуганной девчонки, какой казалась поначалу. Она буквально вытрясла их рюкзаки и в один присест прикончила суточную норму на двоих. Куда, интересно, все идет – ведь довольно стройная. Теперь Отрава видела, что девушка старше, нагловата и за словом в карман не лезет.

– Так вы в Столицу идете? Может, вместе пойдём? А то я жуть как разбойников боюсь. К кровопийцам я больше ни ногой! Лю, а ты нас двоих везти сможешь?

Не напирай она так, то Отрава была бы только рада расширению их компании. Тем более сильной кудесницей. Но на такие хамские заявления даже Лю отвечать не хотел:

– Сначала мы идем в тот замок к кровопийцам.

Нанья тут же побледнела.

– Зачем?! Я туда не пойду!

– Тогда подождешь нас в лесу, – отрезал Лю. – Дело есть дело. Сейчас выясним детали, и потом уже в Столицу.

Та покорно кивнула. Наглеть она умела, только когда не боялась. Лю их обоих на себе не повез, так и сказал, что три часа они и пешочком прогуляться могут – для здоровья полезнее. Особенно для его здоровья.

Отрава же с удивлением наблюдала, как быстро затягивается рваная рана от клыков. Укусы кровопийц заживают быстро – учитель-кудесник об этом рассказывал, но и сама Нанья себя подлечивала, постоянно прикладывая ладонь к больному месту и нашептывая заклинания. Если бы не ее характер, то такая помощница в пути не повредит – и от разбойников отбиться легче с ее огненными шарами, и от мелкой ранки избавиться. Но если Лю превращался в монстра только на восходе ночной звезды, то у Наньи хамство было равномерно размазано на целые сутки.

– Отрава – кстати, отдаю должное чувству юмора твоей матери – худющая, как камыш, голова на ножке. Кости, кожей обтянутые. Ни титек, ни, простите за мой каменноземельный, задницы. И что ты в ней нашел, Лю? Без обид, ядовитая моя, я же по-дружески! От зависти бормочу, что ты себе такого славного перевертыша со своей костлявостью отхватила. Но глаза у тебя красивые, что уж говорить! Я такой цвет раньше только у коз видела. Но Лю, если вдруг разбежитесь, то я чур первая на очереди! По мне, перевертыши занудные, замуж я за тебя не пойду, даже не зови. Но я бы соврала, если бы не сказала, что не разглядела тебя, аж дух перехватило! Потому ежели понадобится зачем – только свистни! Без обид, ядовитая моя, я с твоим женихом просто так заигрываю, чтоб нам в тишине не шагать...

Отрава уже на примере собственной матери знала, насколько Лю терпелив. Он и теперь шел рядом, изображая глухонемого.

Эпизод 3. Кровопийцы Кирами

Отрава тоже боялась, но не стала оставаться с Наньей в лесу. Ей сил нет как хотелось увидеть живого кровопийцу. И поскольку Лю был спокоен и ей не запрещал идти с ним, значит, опасности не видел.

У нее от одного вида черного замка дух перехватило: огромный, мрачный, впивающийся в небеса острыми шпилями и башнями. Казалось, что именно над ним сконцентрировалась черная туча, будто даже небо отказывалось этому месту улыбаться. Ворота и в самом деле были нараспашку. Наверное, даже разбойники боялись нападать на эти чертоги злых сил. Отрава поежилась и пожалела, что они не уговорили Нанью отправиться с ними. Но та настолько беззастенчиво трусила, что ее и уговорить-то вряд ли бы вышло.

На входе их встретили два перевертыша – такие же черноволосые, как Лю, но гораздо старше.

– Приветствуем, путники! Добро пожаловать в замок Кирами – одной из древнейших и знатнейших семей кровопийц! – торжественно начал один. – Если кровь сдать, то прошу за мной. Новички? Не переживайте, это безболезненно и не займет много вре...

– Мы не за этим! – строго ответил Лю, отчего те нахмурились. Перевертыши таким тоном говорят только в случаях, когда им что-то сильно не по нраву.

– Тогда зачем явились? – поинтересовался тот же охранник.

– Перевертыш? – раздался позади них женский голос. – Неужели новости?

Отрава, открыв рот, разглядывала кровопийцу. Она была очень высокой, стройной, длинной, плоской, будто ее специально вдоль вытягивали. Снежно-белые прямые волосы, как ткань, свисали чуть ли не до самой земли. Одета она была тоже в белое и очень узкое платье. Бледная и невероятно красивая – как мраморная статуя с картинки. Возраст у кровопийц по внешнему виду определить невозможно – она так может выглядеть и в тридцать, и десять тысяч лет.

– Не знаю, госпожа, еще не выяснили, – ответил ей охранник.

– Проводите в общий зал. Мой супруг там, он тоже захочет послушать.

Отрава теперь поняла, что ее в этой гротескной красоте смущало: кровопийца произносила слова абсолютно без мимики и даже в голосе не звучало ни единой интонации – все на одной ноте, только паузы в конце фраз. И никаких жестов. Она развернулась – словно куклу на подставке вокруг оси медленно покрутили – и поплыла к замку такой же недвижимо прямой, только длинный подол слегка в такт шагам качался.

– Как скажешь, госпожа. Проходите...

– Эй, дамочка! – окликнул ее Лю. – Один момент!

Кукла точно так же крутанулась обратно, но вмешался охранник:

– Обращайся к госпоже «госпожа».

– Хорошо, – легко согласился Лю – он знал, что правила нужны для того, чтобы их соблюдать. И для стража святая обязанность в этом участвовать. – Госпожа! Я могу просить у ваших охранников клятвы, что мы покинем замок живыми и невредимыми?

– Конечно. Чего вы опасаетесь? – не раздумывая, ответила она тем же тоном.

Охранники переглянулись и пообещали то, о чем попросил Лю. Это было гарантией. Теперь они даже по приказу госпожи не посмеют нарушить клятву, а если вдруг жизням пришло угрожать, пока они внутри двора, то сами бросятся на выручку – это же перевертыши с их гиперответственностью. Размышления Отравы подтвердил второй:

– Будьте осторожны, не споткнитесь. И, пожалуйста, не задерживайтесь, чтобы нам не пришлось переживать.

А ведь это самый простой способ войти и выйти из замка кровопийц! Правда, их клятва закончится на этом же месте, и после, если прикажет госпожа, они могут гостей догнать и

убить. Но сейчас один уверенно пошагал за ними, чтобы хотя бы по пути до дверей никаких несчастных случаев не произошло.

Огромный внутренний двор давил мрачностью, вокруг торчали сухие деревья с искорженными стволами и слышалось карканье ворон, хотя самих птиц Отрава не разглядела. Скорее всего, над созданием атмосферы работали сильные кудесники, вот только непонятно, зачем это нужно было хозяевам: то ли для поддержания статуса, то ли их самих гнетущая обстановка радовала.

Но двор Отраве показался прекрасным и легким местом по сравнению с гостиной, где даже стены были обиты бордовым бархатом. Она озиралась по сторонам и все больше приходила к мысли, что даже в гробу уютнее. Огромные кованые подсвечники, статуэтки и ножки кресел в виде железных черепов ничуть праздничности не прибавляли.

Но Отрава собралась, посмотрела на госпожу и ее мужа, точно такого же белобрысого и еще более длинного, и прошептала неуверенно:

– Да будет ласкова ночная звезда к вашим детям, хозяева...

Глянула на Лю, не разозлился ли, что она так малодушно перед кровопийцами и преступниками ступевалась. Но ведь это воспитание, вбиваемое годами, от него за один день не отвернешься!

– Спасибо за добрые слова, милая возвращенка, – тон у мужчины был не менее ледяным и таким же безэмоциональным, как супруги. – Надеюсь, вы с добрыми вестями, а то мы места себе не находим.

Лю и Отрава недоуменно переглянулись, но кровопийца их замешательство расценил по-своему:

– Безусловно, за любую новость мы платим золотом. Вы из Серебряного Облака или другого города?

Лю тоже не понимал происходящего, поэтому сразу перешел к делу:

– Я представитель стражи. На тебя поступила жалоба...

– А, – коротко перебила его холодная статуя. – Рыжая кудесница?

– Она, – обрадовался Лю, что подозреваемая так легко призналась в преступлении. – Это у тебя на лбу случайно не след ожога от ее огненных шаров?

– Да. К утру не останется.

– Госпожа! – Лю повысил голос. – Ты нарушила закон!

Она фыркнула – и умудрилась это сделать совершенно равнодушно. Да для такого умения, наверное, тысячи лет нужно тренироваться!

– Она жива?

– Да, но...

– Здорова?

– Но...

– Тогда доложи о моем преступлении в ближайший город. Если кудесница жива и здорова – а я уверена в том, что от раны уже не осталась и следа, меня обяжут только выплатить штраф.

Лю кивнул, но добавил:

– И если в окрестностях в последние дни пропадали крестьяне, вы оба станете первыми подозреваемыми!

– По нашей вине никто не пропал. Это был разовый промах.

– Вот пусть и проверят! И подвалы ваши обыщут!

Кровопийцы просто стояли и смотрели на него, даже не моргая. Пауза затянулась. Наверное, это и сподвигло госпожу сказать:

– Я готова принести кудеснице извинения, если они ей нужны. Этот случай не вписывается в мой уравновешенный характер, однако в последние дни я в таком отчаянии.

– Судьба моя, – муж медленно повернул к ней голову. – Тебе не стоит так волноваться еще и из-за этого.

– В общем, – растерялся Лю. – Я напишу на вас жалобу в Серебряном Облаке, пусть они разбираются, разовый или не разовый...

– А что у вас случилось? – неожиданно для самой себя спросила Отрава.

Оба синхронно перевели взгляды на нее, но ответила женщина:

– Мой сын, мой малыш пропал. Похищен или убит. Мы ждали новостей от вас, но вы пришли из-за рыжей кудесницы, которая даже не умерла.

– Судьба моя, – господин снова посмотрел на нее. – Пожалуйста, успокойся, ты так себя до нервного срыва доведешь.

Отрава чуть не расхохоталась – если так кровопийца нервничала, то какой же она была в нормальном состоянии?

– Это вы так переживаете? – Отрава не собиралась грубить, но любопытство прорывалось наружу.

– Я носила моего мальчика шестьсот лет. Звезды не дали нам других детей. Ты бы на моем месте не сходила с ума?

И вдруг Отраве сильно захотелось перед ней извиниться, несмотря на полную абсурдность ситуации. Даже за то, что пришли без новостей.

– Расскажите подробнее, – наверное, Лю поддался тому же чувству. – Мы все равно идем в Серебряное Облако, может, городская стража что-то знает?

– Спасибо, – на этот раз ответил супруг. – Кристофер неделю назад с друзьями отмечал свое тысячелетие в замке за Красным Листом. И когда отправился домой, по дороге пропал. Мы подозреваем нападение разбойников, но требований о выкупе не было. Его могли убить только за то, что он – мы.

– Нет, судьба моя. Он жив, – монотонно затянула госпожа. – Я бы почувствовала. Материнское сердце бы разбилось.

Весьма странная парочка. Едва за спиной захлопнулась тяжелая дверь, Отрава сказала:

– Лю! Я никогда не думала, что кровопийцы такие! Нет, описание совпадает полностью, но ведь никто не рассказывает, что они способны так... любить.

– Только своих, Отрава, не заблуждайся на их счет. А тут еще речь о единственном сыне идет. У кровопийц дети рождаются очень редко, поэтому в этой любви ни у кого сомнений нет. Но нас с тобой они бы разорвали на части, если бы не боялись наказания!

– Почему ты так уверен? Она сорвалась... из-за горя! Такое и с возвращенцами случается, и даже с перевертышами! При каждом восходе ночной звезды, если уж начистоту.

– У тебя добрая душа, – он улыбался. – Но ты ошибаешься. В их гостиной пахнет кровью – запах старый, но откуда бы он взялся, если бы они пили только из своих пробирок? И очень большой вопрос – почему их единственный наследник отправился в путь один? Что он натворил, раз впутался в неприятности? Я попрошу городскую стражу тщательно присмотреть за этим местом. И не слишком удивлюсь, если они отыщут в их казематах более свежий запах крови.

Больше Отрава не спорила. Да и ведь истории о кровопийцах вряд ли сплошная выдумка. Она только удивлялась, что существо, вообще способное на любовь, может быть совершенно бессердечным к остальным людям. До сих пор ей верилось, что за это отвечают одни и те же струнки души. Хотя вот эти двое вполне производили впечатление существ вообще без струнок. Она и сама от них словно заразилась заторможенностью, которую хотелось вытрясти из головы.

Может быть, именно это чувство и заставило ее специально споткнуться, когда они почти приблизились к охранникам – просто чтобы увидеть нормальную живую реакцию нормальных

живых людей. Они же поклялись, что она выйдет невредимой! А если вдруг ножку подвернет? Перевертыши в панике тут же рванули к ней. Но Отрава выпрямилась и пояснила краснея:

– Я в порядке.

Когда они вышли за ворота, то за спиной она точно расслышала облегченный выдох.

– Это было не смешно, – серьезно сказал Лю.

Отраве и без его укора было стыдно до темного хряка. Ведь знала же, что над обязательностью перевертышей подшучивать некрасиво – это все равно что над ней смеяться из-за имени или чего-то еще, что человек не в силах изменить! Поэтому она догнала его и спросила, чтобы отвлечь:

– Лю, а откуда у кровопийц столько золота? За десять тысяч лет их запасы должны бы истощиться.

Он быстро остыл и теперь снова улыбался.

– Вон там, – он махнул в сторону. – Их поля. Там крестьяне работают и за это получают деньги. А продажей урожая занимаются другие нанятые люди. Крестьянам удобно – они зачастую торговать не умеют, а если год неурожайный, то они свой заработок все равно получают. Торговцам удобно – не надо ездить по всем селеньям, чтобы скупать зерно мелкими партиями. А кровопийцы получают свою прибыль только за то, что это их поля и их урожай. Ну и за то, что все это дело организуют, а заодно и страхуют тех и других.

Над этим Отраве пришлось поразмыслить. Ее семья всю жизнь пасла овец, но случались ситуации, когда торговые караваны, которые так редко доезжали до самой Тихой Речки, соглашались покупать шерсть по бросовой цене. И продавали ведь, потому что всю зиму ее хранить негде, да и есть что-то надо. Другие же, кто занимался выращиванием шляпки, сталкивались с еще худшей ситуацией – если неурожай, только за счет помощи соседей с голоду и не умирали. И налоги платить надо, независимо от того, сколько зерна собрано. А тут все просто – в огромном замке столько места для складов, что если торговцы будут занижать цену, то отправятся восвояси ни с чем. И на неурожайный год можно накопить запасов, чтобы тем же торговцам продать втридорога. И ведь купят! Отрава всегда считала свободу одной из высших ценностей, но тут впервые воочию убедилась, что иногда люди осознанно выбирают зависимость и от этого выигрывают. Да и живут, очевидно, куда лучше, чем крестьяне в дальних поселеньях под гнетом сборщиков и торговцев. Поразительные создания эти кровопийцы. Почему же тогда учителя-кудесники так мало о них рассказывают?

– Так мы не станем их сына искать? – уточнила она.

Лю посмотрел на нее с изумлением:

– Зачем? Узнаю, конечно, у стражи подробности, раз обещал. Но мир только выиграет, если одним кровопийцей станет меньше!

Нанья выбежала навстречу и уж слишком заметно тряслась. То ли за них так переживала, то ли оттого, что дальше ей придется одной идти. От радости набросилась на них, ухватила за шею и прижала к себе:

– Вернулись, мои родненькие, вернулись! В следующий раз с вами пойду, хоть к кровопийцам!

Ее искренний восторг не до конца объяснял, какой же из вариантов верный.

Лю, вырвавшись из объятий, сразу принялся продумывать следующие действия:

– Нам теперь в Серебряное Облако надо. Завтра к вечеру должны успеть. И запасы хлеба хрякнуты, – он укоризненно глянул на Нанью, которая и не думала стесняться своего аппетита.

В Серебряном Облаке они намеревались задержаться на пару дней и, возможно, оставить Нанью там – пусть ждет торгового каравана. Лю предупредил Отраву, что им такой способ путешествия не подходит: караванщики обязаны в каждом городе отчитываться о своих пассажирах и для других их имена будут открыты, что для тайности миссии будет лишним. Осталось только придумать, как объяснить это Нанье. Та пребывала в твердой уверенности, что Лю

везет в Столицу свою невесту – сразу так предположила, а они оба поддакнули, чтобы больше вопросов не возникало. Правда, от комментариев это не избавляло:

– Я все равно понять не могу – вот вы уже решили жениться, все определено, так почему ж друг друга сторонитесь? Какая уж теперь разница, когда вы друг друга на вкус оцените?

– Ты, Нанья, всех по себе не равняй! – улыбался ей Лю. – Отрава выросла в уважаемой семье, а я ее еще родителям не представил. . .

– И что, если родители не оценят, назад отправишь? – изумлялась она. – А вот если ты ее к матушке уже со внучком в пузе доставишь, то уж оценят – никуда не денутся! Отправка у нас скромница – таких за версту видно, с такими надо чутка понапористой быть. А то она у тебя до седин нецелованная проходит! Без обид, ядовитая моя, говорю как есть! Даже с дружеским советом, ежели угодно.

Нанья звонко хохотала, а Отрава отстала от них на шаг, чтобы красных щек ее не видели. Было неловко от таких разговоров. И если уж на то пошло, она почти сразу перестала обижаться на Нанью – та грубила постоянно, постыдные темы поднимала с такой легкостью, будто для нее запретных вопросов вообще не существовало, на язык ей попадало буквально все, что приходило в голову. Но делала она это беззлобно, в самом деле не желая зацепить за больное. Такие люди неприятны только в самом начале, но если их раскусить, то даже легче на душе становится – за Наньиными словами никогда не скрывалось дурного умысла. Именно поэтому Лю и улыбался той все более искренне, он тоже это чувствовал. Для него честность, хоть и не такая вежливая, как у перевертышей, перекрывала почти любые недостатки.

Но некоторые темы все же были особенно неприятными. Например, эта. Еще с Тихой Речки их с Лю женили все подряд, но в действительности никакой романтики между ними не ощущалось. Возможно, именно оттого, что их так усиленно друг к другу толкали, они внутренне и сопротивлялись. Или мысли их постоянно были заняты более важными вопросами. Общаться, разговаривать и обсуждать планы с Лю было сплошным удовольствием, да и Отрава по-прежнему его находила весьма привлекательным. Да чего уж там, он явственно ей нравился. Поэтому Отрава допускала мысль, что когда они окончательно друг к другу привыкнут и осядут в одном месте, то смогут подумать и о более близких отношениях. Если их вот только такими обсуждениями заранее до тошноты не доводить. Ей казалось, что Лю думает примерно так же, потому так сильно удивилась, когда поняла, насколько ошибалась.

Эпизод 4. Серебряное Облако

До сих пор Отрава в городах не бывала. В Тихой Речке заведено детей в путешествия не брать – мало ли что в дороге может случиться? Ее же первый выезд планировался этим летом. Но Отрава взяла и побегом родительские планы нарушила. Интересно, мама уже перестала ругаться?

Невысокая, в два человеческих роста, стена казалась бесконечной. И хоть Лю говорил, что этот город совсем небольшой, Отрава была впечатлена даже длинной темной полосой, которой выглядела стена издалека. Дороги со всех сторон сходились сначала в одну, и та направлялась прямоком к городским воротам. Объездным путем ехали только те, кто не боялся разбойников. То есть сами разбойники.

– Да защитит вас дневная звезда, путники! Предъявите бумаги! Какова цель визита в Серебряное Облако?

Перевертыш, остановивший их на воротах, выглядел деловитым. Отрава стягивала заплечный мешок, чтобы отыскать свою бумагу.

– Айк! – окликнул его сзади другой, уже подходивший к ним. – Это Лю из столичной стражи, он у нас пару недель назад был.

– Будь здоров, Най! – помахал ему Лю. – Да будет ласкова ночная звезда к твоим детям! Теперь первый позволил себе разулыбаться, а до сих пор будто сдерживался:

– Добро пожаловать в Серебряное Облако!

Вопросов Нанье и Отраве не задавали вовсе – присутствие рядом с ними перевертыша, присягнувшего самому императору, служило гарантией и их законопослушности. Подошедший тут же махнул всем троим, чтобы проходили, при этом подшучивал:

– Я же говорил, что из наших мест ты без невесты не вернешься! У нас самые красивые девчонки, да притом неизбалованные, как ваши столичные! Ишь, а ты сразу двух нашел! Так и знал, что надо спор заключать...

– А я не невеста, – тут же подскочила к нему Нанья. – У нас с тобой даже имена схожи – верный знак от звезд. Так что можем с тобой в Столицу вместе отправиться!

Он остановился и в один момент стал серьезным:

– Охлонись, кудесница, у меня жена имеется!

– Эх, – расстроилась Нанья, – и тут не выгорело. Перекусить бы...

Най вел их в заезжий дом. Там комнат, расположенных аж на целых трех ярусах, было много, но сейчас они по большей части пустовали. Но когда по осени чуть ли не ежедневно идут торговые караваны, то все огромное помещение забивается целиком. Стоимость Отраву обескуражила – целый полтишок с человека за один день! А на троих выходил золотой с полтишком. Не потому ли Серебряное Облако так называлось? Цены у них заоблачные. Теперь стало понятно, почему Нанья заранее принялась нудно и долго жаловаться, что ей и на повозку может не хватить. И ныла ровно до тех пор, пока Лю не выдержал и почти добровольно предложил ей помощь в этом вопросе. Но за огромную плату жильцам заезжего дома предоставляли плотный ужин, услуги прачки и возможность отмыться после долгой дороги. Обо всем этом Лю и Най им по пути рассказывали. Нанья слушала вполуха – она в Серебряное Облако уже разок с родителями заглядывала.

Отрава озиралась по сторонам и никак не могла перестать удивляться. Народу в городе была тьма-тьмуца. Большинство прохожих были одеты по той же моде, что и в Тихой Речке: женщины в длинных платьях или рубахах с юбками, а мужчины в похожих рубахах с тканевыми или замшевыми штанами. Но изредка в толпе глаз выцеплял женщин в мужских штанах и мужчин в цветастых шелковых рубахах. Выглядело это забавно и диковинно, и Отрава вспоминала, что это всего лишь первый город на их пути! Дальше будет только интереснее!

В Серебряном Облаке была построена канализация, улицы вымощены гладкими камнями, и присутствовало множество домов в два, три, а то и четыре яруса. Она разглядывала вывески мастерских ремесленников, ювелирных, колдовских, книжных и продуктовых лавок. Теперь Отрава догадалась, почему тихореченских детей никогда сюда не возили – попробуй-ка потом из этого рая назад утащи. Вся эта роскошь бросалась в глаза, но уже из рассказов Лю Отрава знала, что в городах одни проблемы пропадают, но другие появляются, поэтому еще неизвестно, где жить лучше. Например, при таком огромном скоплении народа знать всех в лицо просто невозможно. Кражи или убийства случаются тут куда чаще, чем в глухой деревеньке. Бывает и такое, что проникают сюда лесные разбойники под видом торговцев или странствующих кудесников. И даже усиленный городской гарнизон не может навести полный порядок и отловить всех преступников. Такая вот странность: вроде бы народу много, а чувствуешь себя незащищенным. Ну и, конечно, болезни. Если случится новая эпидемия чумы, то весь город запрут на карантин. Поэтому люди часто предпочитают свободные и открытые поселения, где все живут одной большой семьей, даже в ущерб комфорту.

Отрава заметила, что и Лю выглядел удивленным. Но причины его состояния были другими – он чуть позже о них рассказал, когда они остались вдвоем. Нанья тут же побежала вниз, чтобы выяснить, когда у них там ужин намечается, ее отлучкой Лю воспользовался, чтобы сказать:

– Най передал сообщение из Столицы. Меня ожидает подарок в замке кровопийц Ронмару, что живут за Красным Листом. Понимаешь, что это значит? Их Величество или Великий Кудесник хотят мне передать какую-то информацию без лишней огласки... Значит, там что-то чрезвычайно важное! Не так уж много семей кровопийц, которым доверяет корона. Ронмару – одна из таких. Будь моя воля, я бы только эти семьи и оставил, а остальных... ну хотя бы выслать куда-нибудь в Каменноземелье.

– Это случайно не тот самый замок, возле которого пропал наследник Кирами? – вспомнила Отрава.

– Да. Нас будто звезды по этому пути ведут. И я теперь не знаю, как будет безопаснее: брать тебя с собой или оставить тут под опекой Няи.

– Я с тобой! – решительно заявила Отрава.

Он подумал, но потом кивнул:

– Хорошо. Мне тоже не хочется тебя оставлять. На такое я бы пошел, только если бы точно знал, где опасности больше.

В огромной столовой посетителей тоже было немного, но очень шумно. Ведь там была Нанья, голос которой звенел на все три яруса:

– Так, Лужица, поторопись, да шлячки мне побольше клади! Когда там уже жаркое подоспел?

– Ох, Нанька, – смеялась в ответ розовощекая возвращенка. – Ты потерпи, милая, меня токма не съешь!

– Я уже на твои бока аппетитные заглядываюсь! – ответила ей кудесница и повернулась ко входу. – А вот и они! Говорила же, не успеем! И за что тебя, такую нерасторопную, в кухарки приняли?

Но женщина оказалась тоже темпераментной:

– Ты языком-то поосторожнее мели! А то половником получишь, а жаркое – нет.

– Пусть будет милостива ночная звезда к твоим детям, Лужица! – тут же сообразила Нанья. – Лю, Отрава, чего замерли? Проходите, гости дорогие, усаживайтесь, сейчас мы с лучшим поваром Серебряного Облака вас накормим!

Най тоже к ним присоединился и, не понимая, что от Няи следует скрывать подробности, принялся обсуждать с Лю детали их последнего разговора:

– Там, по дороге до Красного Листа, банда разбойничья разрослась. Мы к караванам отряд прикрепляем, но чтобы полностью лес расчистить, нужны совсем другие силы. Уже который раз посылаем в Столицу запрос, но пока молчат. Десять тысяч лет так и молчат... Тебе ребят пять в сопровождение сможем выделить.

– Най, – Лю задумался. – Ты ведь знаешь про дело Кирами? Какова вероятность, что младенчика их тысячелетнего на самом деле разбойники поймали? Держат у себя или убили.

Тот задумчиво чесал макушку:

– А вот не знаю. С одной стороны, огромная. Одинокому путнику там делать нечего, а от него еще, наверное, на всю округу золотом несло. Но с другой стороны... они что, полные идиоты? Нападать на кровопийцу – он же у них человек пятьдесят положит, пока они до него доберутся – не слишком выгодная сделка, даже если он битком по горло золотом набит. Опять же, с третьей стороны, куда ему еще было деваться – из Красного Листа выехал, а до нас не доехал. Дорога-то одна. Если он коня только сам не сожрал, а потом от стыда за содеянное не свернул в кусты.

Лю усмехнулся и выложил результаты своих размышлений:

– Разбойники могли напасть на кровопийцу только в одном случае...

– Если у них есть сильнейшие кудесники, – сразу понял Най. – Скорее всего. Но тогда бы они напали и на наши отряды. Возможно, это вопрос времени... голодные тут края, от такого и добряк озверевает.

– Вы пытались его искать? – поинтересовалась Отрава.

Най улыбнулся сначала, потом кивнул:

– По заявлению родителей мы были обязаны, поэтому прошли весь путь и свидетелей в Красном Листе опросили. Но идти в леса ради спасения кровопийцы... уволь.

Отрава и с ним на эту тему спорить не стала – если Лю говорит, что любой кровопийца потенциальный преступник, значит, так и есть. Да и мать его, скорее всего, ошибается, и он уже мертв. Если бы сына Кирами захватили живым, то уже давно бы выставили требования о выкупе.

– Так мы идем в Красный Лист? Зачем?! – про присутствие Наньи все забыли.

– Нет же, – без раздумий ответил ей Най. – В замок кровопийц, чуть дальше.

– Зачем?!

– Так... подарок...

Най замолчал, наконец-то почувствовав напряжение, но Лю тут же подхватил тему:

– Нанья, мы с Отравой должны отправиться туда, но ты оставайся, дождись каравана или нас...

– Ну уж нет! – она вскочила на ноги. – Мы же с вами не разлей вода! Куда вы, туда и я!

Отрава подозревала, что та скажет именно так – Нанья была настолько же искренней в своих порывах, как и прямолинейной в грубостях. Но все же напомнила:

– А как же твоя Школа Высокого Колдовства?

Но Нанья только рукой махнула:

– Моя Школа никуда не денется! Стояла десять тысяч лет в ожидании меня и еще немного подождет. А я без друзей никуда не пойду. Вдруг в беду попадете, а меня поблизости не окажется? Что вы без моих огненных шаров делать будете, если разбойники вас перехватят?

Слова кудесницы заставили Отраву устыдиться. Неужели она в действительности хотела отделаться от Наньи? Да никакой дурной характер не перекрывает такой преданности и взаимовыручки. Правда, Нанья героем выглядела только в такой спокойной компании и с набитым ртом, но в случае малейшей опасности тут же сжималась до размеров дикого зайца. Но даже если Лю будет против компании Наньи, то Отрава его уговорит!

От переизбытка впечатлений Отрава снова никак не могла уснуть. К тому же ей было непривычно спать в одиночестве – дома она делила большую спальню со всеми сестрами, в

походе тоже одна не оставалась. А теперь почему-то казалось, что в темное окно непременно кто-нибудь заглянет – голодный кровопийца или разбойник, тайком пробравшийся в город. И даже мысль о том, что комната ее располагается на третьем ярусе, не помогала.

Чтобы успокоиться, она встала и подошла к окну. Ночная звезда уже давно сияла в небе, будто нехотя роняя тусклый свет на широкие улицы, которые даже в такой час не опустели окончательно. Вон там, похоже, располагается трактир или лавка, где продают заговоренную лишай-траву. Оттуда выходят пьяные гуляки, которые поют и громко смеются. В большинстве мужчины. Но женские голоса тоже слышны – вот тут, гораздо ближе. Отрава могла только предполагать, что совсем рядом с заезжим домом находится то самое место, о котором в Тихой Речке сплетничала молодежь. Якобы там женщины предоставляют услуги жены на одну ночь за деньги. Они даже могут выходить на улицу в короткой нижней юбке, чтобы привлечь мужское внимание. Отрава ничего не могла разглядеть, но звонкий женский смех подтверждал ее подозрения.

Она не знала, как к этому относиться. Девчонки в деревне брезгливо кривились от рассказов о таких женщинах – даже те, кто бесплатно успели побывать женой на одну ночь. Ведь это было по любви, а значит, не постыдно. Парни чаще заметно смущались, но все равно постоянно поднимали эту тему, желая узнать еще хоть какие-нибудь подробности. Отраве же казалось, что судить этих женщин огульно нельзя, для начала разобраться бы. А если деньги им предложит отвратительный старик? А если разбойник? А если кудесник или возвращенец, которого дома ждет жена и куча детей? Задают ли они мужчинам такие вопросы? Застрахованы они могут быть только от женатых перевертышей – те, само собой, клятвы, в том числе и верности, нарушать неспособны. Кровопийцы же вообще ни на кого, кроме представителей своей расы, не смотрят. Отрава тихо рассмеялась, представив, какой визг бы поднялся, заявись в это пристанище одноночной любви кровопийца. И тут же стало понятно – нет, эти женщины точно имеют возможность выбирать. Они никогда бы не пошли на такую работу, если бы у них не оставалось возможности в каком-то вопиющем случае отказаться ее выполнять.

Поэтому она решила, что постарается их не осуждать. Это ведь добровольно. Однако говорят, в Правоморье, где до сих пор существует рабство, к такой работе могут и принуждать. Вот от этой мысли волосы вставали дыбом.

Пусть живут своей жизнью, а она будет жить своей – и полностью ее любовь получит только законный муж. А эти дамы ее не волнуют... но как же любопытно узнать, выходят ли они на улицу в нижних юбках!

Она посмотрела на темное небо, и вдруг ее будто дернуло изнутри – надо пойти поговорить с Лю. Ночная звезда уже поднялась, он не будет агрессивным, если разбудить. А ей... что же ей так срочно от него могло понадобиться? Ну, например, разузнать о его предположениях, что же в замке Ронмару их ждет. Или... не против ли он, что Нанья к ним присоединится? Или... может, сказать, что ей страшно одной? Немного по-детски, но Отраве до жути захотелось к нему пойти и хоть о чем-нибудь спросить!

Оделась и вышла в коридор. Внизу разговаривали – это кто же в такое время не спит? Она тихонько, на цыпочках, покралась по коридору, сильно переживая, что ее тут увидят. Ведь свидетель не будет знать, что она об очень важных вещах спросить хочет! Подумает еще про нее...

Отрава остановилась перед дверью. И замерла, будто в другого человека прямо тут, не умерев, перерождалась. Ей казалось, что прошла целая вечность, но она никак не могла заставить себя вернуться в свою комнату.

Лю был не один. И женские стоны не оставляли сомнений, в каком мероприятии он коротает ночь. Девушка звала его по имени. Девушка смеялась... задыхалась... и снова звала по имени.

А Отраву словно звездой огрело. С чего она решила, что нравится ему? Почему – дура, дура, дура! – позволила себе о нем думать? И под эти разрывающие разум звуки ей удавалось лишь вспоминать: Лю был очень мил с ней, всегда вежлив, всегда улыбчив и разговорчив. Он умер бы за нее, потому что взял на себя такое обязательство. И на этом все! Ведь улыбчивым и разговорчивым он был и с Наньей, которая даже не скрывала симпатии к нему... Нанья. Там, с ним, была Нанья.

– Эй!

Отрава вздрогнула всем телом и резко повернулась. Нанья выглядывала из своей комнаты и звала ее! На фоне всего бардака, который воцарился внутри, это понимание вдруг показалось настоящим праздником. Поэтому Отрава направилась к той и кое-как удержалась от объятий.

– Заходи, ядовитая моя. Ты чего не спишь? – неожиданно тихо и почти ласково спросила Нанья.

Отрава не ответила. И вдруг сама Нанья обняла ее:

– Ладно, подружка, не горюй. Ты еще совсем наивная и некоторых вещей о мужчинах не знаешь. Но я еще вечером видела, как он с одной блондинкой из борделя говорил – видать, чтоб зашла к нему после восхода ночной звезды. Лю у нас молодой, горячий, постоянно в каких-то заботах и своих думах... и он бы просто спятил, если бы не позволял себе хоть иногда расслабиться! Подрастешь – поймешь.

Отрава оторвалась от нее и неловко улыбнулась. Нанья утешала ее, а она на самом деле повела себя глупо. Кудесница же, увидев эту реакцию, вдруг отступила, уперла руки в бока и зло прищурилась:

– Но я очень зла на вас обоих! Зачем мне врали? Никакая ты ему не невеста – теперь это и темному хряку ясно!

– Нанья... – Отрава и не подумала, что именно это сейчас кудесница воспримет как самое важное. – Ты права... Но... Мы не могли... Там столько всего...

– Я тебе прямо сейчас уши драть не буду! Вижу же, что он тебе нравился, и ты сама не своя... Но потом все из вас вытрясу, ясно? Между друзьями не бывает секретов! – она шептала, но при этом умудрялась на каждой фразе повышать тон. – Ну это надо же, а! Как будто я кому-то раскрою ваши никому не нужные секретки! Вы меня на дороге нашли, накормили, пошли за меня заступаться – даже Най после сегодняшнего рассказа Лю призадумался, и теперь тех кровопийц проверят как следует! И вы думали, что Нанья из болотных после такого друзей предаст? А теперь марш спать, пока я тебе огненным шаром не зарядила!

Отрава продолжала стоять перед ней и глупо улыбаться. Они знакомы четыре дня, но почему-то и сама она теперь твердо понимала: Нанья им друг, который собирается оставаться на их стороне, даже если гнать ее станут. Их? Отрава вспомнила про Лю, и веселье как рукой сняло.

В своей комнате она закуталась в одеяло и зажмурилась. Она еще недавно не представляла, насколько далеко зашла в своих мечтах – вот только такие события и расставляют окончательно все на свои места. Лю ей нравился и очень сильно. Но она никогда не нравилась ему в том же смысле. Если бы он не был перевертышем, то надежда еще могла оставаться. Однако в их случае все предельно ясно – ни один перевертыш не идет на сделки с совестью, ни один не потащит женщину в постель, если в его сердце уже есть другая.

Эпизод 5. Кровопийцы Ронмару

До замка Ронмару они добрались без происшествий. Путь занял всего день, потому что сопровождали их перевертыши. Нанья и Отрава ехали верхом да с ветерком, а то при скорости последней они плелись бы в десять раз дольше.

Как же Отрава радовалась, что с ними были ребята из городской стражи! И далеко не только из-за удобства и безопасности. Благодаря их присутствию, было незаметно, что она почти не обращается к Лю при разговоре и избегает прямых взглядов. Ей вдруг стало это сложно. Но она всеми силами пыталась перенастроиться: убеждала себя, что Лю просто стал первым особенным парнем в ее жизни, поэтому и вызвал в ней такие теперь ненужные эмоции. Другие из отряда тоже были вежливы, доброжелательны и весьма симпатичны, но Отрава даже сравнивать их с Лю не могла.

Нанья же наслаждалась по полной, ни в чем себе не отказывая. Она открыто флиртowała со всеми по очереди, за исключением только Ная и Зо, у которых в городе остались любимые. Казалось, если их путешествие продлилось бы дольше, то Нанья уже до приезда в замок Ронмару обзавелась бы собственным перевертышем. Но это было возможно в том случае, если бы Нанья определилась и смотрела только на одного. Видимо, ей просто нравилось получать горящие взгляды, но ничего на самом деле серьезного она не планировала.

Однажды Отрава попыталась, подобно Нанье, спокойно наблюдать, как перевертыши раздеваются, чтобы принять собачий или волчий облик, но не выдержала и все же отвернулась. Хотя парни даже не думали стесняться – выяснилось, что и в Серебряном Облаке это считалось естественным процессом, которому никто не придавал важности. Заметив ее смущение, Зо, спокойный и рассудительный по натуре, объяснил:

– Значение имеет только то, чему придают значение. Если бы в городе мы каждый раз, когда обнаружен разбойник или другой преступник, сначала бежали в дом, чтобы там перевернуться, то это никому бы не помогло. И потому все, прямо с детства, привыкают, что для нашей расы это нормально и никакой интимности не несет. Женщины наши, правда, предпочитают укрываться, но они в страже и не служат.

Отрава от этого объяснения ступевалась окончательно – будто она тут единственная отсталая, как темный хряк, в цивилизацию попавший. И все равно не могла не отворачиваться – на искоренение старых привычек и привитие новых всегда требуется время.

Еще в Серебряном Облаке она попыталась принять помощь другого перевертыша, чтобы оказаться подальше от Лю, пока не привыкнет к омерзительному чувству неразделенной влюбленности. Но он, предположив, что она просто замешкалась, уже собакой подбежал к ней и привычно припал на передние лапы. И ей пришлось целый день обнимать его за мохнатую шею. На привале он поинтересовался:

– Отрава, почему же ты мне песен не пела?

Она даже в глаза Лю смотреть не могла:

– Так ведь... Нанья трещала сорокой... Какие там песни...

– Это правда, – рассмеялся он. – Но ты иногда пой, под песню легче бежится.

И ей пришлось петь. Лишь бы он ни о чем не догадался.

В Красном Листе они пробыли несколько часов: перекусили, поговорили с местной охраной, но никакой новой информации не получили. Теперь Отрава могла сравнивать – Красный Лист был заметно меньше и тише Серебряного Облака, а стены были гораздо выше – тут уже разбойников опасались сильнее. Оставалось только удивляться, почему Их Величество никак не находит времени, чтобы уделить внимание этому району. Ведь мог же выслать сюда целую армию перевертышей, чтобы порядок навели! Красный Лист специализировался на добыче древесины и изготовлении предметов из нее. На работников разбойники не напа-

дали – с тех брать нечего, но вот огромные торговые караваны с тяжелыми груженными повозками постоянно находились под угрозой. Купцам приходилось самим нанимать перевертышей для таких переходов – они-то не могли быстро по дороге промчат на собачьих лапах. И раз они несли дополнительные затраты, то просто переключивали их на работяг – покупали древесину дешевле. А те и возразить не могли, ведь тоже положение дел своими глазами видели. Вот и выходило, что теряли все, кроме разбойников... и Их Величества.

Замок располагался в часе езды от Красного Листа. Видимо, эти кровопийцы сразу были лояльны к действующей власти, раз город потом построили так близко к их замку. И тут вокруг не было крестьянских полей – или разбойники не давали такой свободы, или Ронмару нашли другой способ заработка. Скорее всего, просто получали золото из столичной казны. За такие вот мелкие услуги в том числе.

Само древнее строение походило на замок Кирами, даже скопившейся над ним тучей. Наверное, тот же самый кудесник уют обустроивал. Перевертыши из охраны, услышав имя Лю, тут же открыли ворота – их ждали. Всех, кроме Отравы и Лю, пригласили отобедать. Нанья так обрадовалась скорой трапезе, что позабыла о своем любопытстве. Она наверняка тут еще и кровь успеет сдать: ну, а что, пять золотых лишними не бывают! Но только после того, как поест. А потом поест еще раз, чтобы слабости не приключилось. А потом, быть может, снова сдаст кровь. Как будто десять золотых бывают лишними! И снова поест. И так, пока не выгонят. Об этом плане весь отряд был осведомлен раз сто. Но выстраивать Нанья его начала после того, как у каждого по сто раз уточнила, что эти кровопийцы ее точно не обидят.

Отраву и Лю сопроводили в гостиную, обитую темно-зеленым бархатом. И сложно было сказать, в каком цвете чувствуешь себя более неуютно. Супруги Ронмару были такими же худыми и длинными, а их волосы – тоже светлые, но другого оттенка, чем у Кирами – у обоих были абсолютно одинакового цвета. В их прямых, будто утюгом выглаженных, прядях светилось золото, в отличие от серебра Кирами.

– Приветствуем вас обоих, – монотонно начал господин, его супруга медленно кивнула – словно согласилась с его словами, но не собиралась ради такой ерунды открывать рот.

– Да будет ласкова ночная звезда к вашим детям! – на этот раз Отрава не чувствовала неловкости, проявляя доброжелательность.

– Благодарим тебя, Отрава, – с кровопийцами общаться в некотором смысле проще – полное отсутствие реакции на ее имя, как и на все прочее. – И к твоим пусть будет ласкова, когда они у тебя появятся.

– Ну все. Поболтали и хватит, – ледяным голосом затушила госпожа. – Пора к делам.

Они передали Лю конверт – без гербовой печати и весьма дешевый на вид – и молча удалились из гостиной. Отрава сгорала от любопытства и едва не вскрикнула, когда Лю из конверта достал чистый лист. Но он сразу шагнул к свече и развернул бумагу над пламенем. Постепенно на ней проступали коричневые буквы, которые становились все ярче.

– Молоко, – пояснил Лю. – Не слишком серьезный способ защиты, но если бы письмо перехватили мелкие воришки, то вряд ли бы догадались. Хотя торговцы так часто делают – боятся конкурентов. Очень ненадежная страховка, если учесть, что и их конкуренты тоже пишут записки молоком. Так что это уже давно перестало быть шифровкой, скорее традиционный признак торговой переписки.

Он, прочитав, тут же передал лист Отраве.

«Дорогой Лю! Если тебе удалось выполнить мою просьбу, то спешу предостеречь – заячьи шкуры упали в цене, поэтому доставлять такую большую партию в Столицу прямо сейчас бессмысленно, мы больше потеряем. Очень жду встречи с тобой, но понимаю, почему ты решил подольше погостить у наших общих друзей. В.К.»

– Нам не стоит сейчас ехать в Столицу? – догадалась Отрава.

Лю был серьезен:

– Это точно. Распоряжение остаться в замке Ронмару на неопределенный срок. И это может означать только одно – Великий Кудесник подозревает, что о тебе узнали враги.

Выяснилось, что хозяйева тоже были предупреждены другой запиской, что гости задержатся у них. И в этом случае было только на руку, что их реакцию на распоряжение сверху уловить было невозможно. Лучше уж жить в счастливом неведении, чем знать наверняка, что их вынужденное присутствие в тягость.

Отряд перевертышей этим же вечером отправился обратно, и Нанья наотрез отказалась к ним присоединиться:

– У меня мурашки по коже от кровопийц! Вот честно-честно, потрогай, ядовитая моя! Как говорящие трупы, в самом деле! Но когда еще получится пожить в таких хоробах? Так что, куда вы, туда и я. Точка.

Кровопийц было сложно назвать приветливыми. Но и негостеприимными они тоже не выглядели. Нанья в своей грубой манере охарактеризовала их максимально точно. Но надо отдать им должное, они всячески старались хотя бы какие-то признаки доброжелательности проявлять. Например, присоединились к гостям во время вечерней трапезы. Сами, конечно, к еде не притрагивались, но хотя бы «радовали» своим мертвецким присутствием и даже на вопросы отвечали:

– Да, милая Нанья, у нас двое детей – прекрасные сын и дочь. Но мы не стали их будить к столу. Лионесса и Лион проспят до следующей недели, если не проголодаются раньше. Сон полезен для здоровья.

– Ого! – изумилась Нанья. – В здоровом теле здоровый дух? Или что там у вас... В общем, пусть спят, нам они без надобности! А у вас красивый дом! Нет, тут, конечно, как на кладбище себя чувствуешь, но вам-то это, наверное, комплимент? Натуральный склад серебра! Я вот только ту страшную картину с изображением пыточной, что на втором ярусе висит, куда-нибудь подальше бы спрятала – честное слово, та еще мерзость! Даже хуже ваших портретов! В жизни вы намного... живее выглядите. А там прямо как два трупа, если их лет через десять откопать.

– Большое спасибо, Нанья, – ответила ей госпожа. – Эти шедевры нарисовала наша дочь. Она, как ты верно заметила, очень талантлива. И если тебе в самом деле так у нас хорошо, то прими наше приглашение остаться тут... навсегда.

Отрава четко расслышала, как при последнем слове где-то далеко звякнули траурные колокольчики. Хотя кровопийца предложила это от чистого... что у них там вместо сердца? Их, по всей видимости, характер кудесницы совсем не раздражал. Или вкус ее крови перекрывал любые недостатки? Кровь с примесью магии ценилась кровопийцами превыше всех прочих, а такая здоровая и энергичная девушка вполне способна протянуть и десятилетия, если ее правильно содержать. Конечно, Нанья сразу сжалась, словно те же самые колокольчики расслышала:

– Благодарю, конечно, это для меня... честь! Но не такая уж и честь, если подумать хорошенько. Я же собираюсь поступать в Школу Высокого Колдовства – можете не верить, но дар у меня очень сильный!

– Отчего же не верим? – господин тоже взгляда от Наньи не отрывал. – Так и есть. Ты пахнешь магией сильнее, чем все, кого мы до тебя раньше встречали.

– А вот нюхать меня не надо! – Нанья отчего-то комплименту не обрадовалась. – И... лучше вообще на меня так не смотрите! А то мне от ваших взглядов сразу к мамане вернуться захотелось!

– Вы все равно тут надолго, – успокоила то ли ее, то ли себя госпожа. – Может, и передумаешь. И если передумаешь, обещаю, нам будет очень весело.

У Наньи задержался глаз. Отрава решила, что пора менять тему, пока кудесница прямо посреди ночи не сорвалась к своей мамане:

– У вас есть предположения, куда пропал наследник Кирами? Неужели разбойники рискнули напасть на кровопийцу?

И ей тоже стало не по себе, когда две пары безразличных глаз уставились на нее.

– К сожалению, не знаем. Но мать Кристофера жаль до слез. Бедняжка убивается. Мы полагаем, что разбойники тут не причем. Кристофер сбежал, чтобы на нашей Лионессе не жениться. Было заметно, что он к ней холоден. Если Кристофер не вернется, то нам придется Лионессу за ее брата выдавать. Свадьба в два раза дешевле обойдется, потому что родня будет только с одной стороны.

– А! – сообразила Отрава, которая успела внутренне содрогнуться и остановить себя от осуждения. – Так вот почему вы так похожи! Я еще у Кирами это заметила, и вы тоже – просто как близнецы!

– Не понял, – кажется, взгляд господина стал еще более ледяным, если это вообще возможно.

– Ну... Если вы брат и сестра, которые потом женились, тогда...

– Что ты несешь? Это была шутка. И довольно смешная. Ха. Ха. Сложно общаться с людьми, не имеющими чувства юмора. Супруги-кровопийцы становятся похожими друг на друга, потому что тысячелетиями живут рядом. Попробуй с кем-то прожить десять тысяч лет – узнаешь сама. Это тоже была шутка. Но чуть менее смешная.

Отрава была готова от стыда под стол залезть.

Им выделили две спальни на троих, каждая из которых размером превышала родной дом в Тихой Речке. На огромной кровати с тяжелыми балдахинами могли уместиться не только Отрава с Наньей, но и весь гарнизон Серебряного Облака. Никто бы и не возражал, если бы тут оказался весь гарнизон – возможно, стало бы хоть чуть-чуть уютнее. Но девушки перед сном договорились не придавать значения атмосфере – так только хуже становится. Возможно, им придется жить тут несколько месяцев, а значит, надо привыкать. А еще Отрава честно рассказала Нанье правду об их путешествии. Та сначала не поверила, потом удивилась, а потом и долго размышляла вслух:

– Я как чувствовала, что с тобой не пропаду! Тебя будут держать на шелковых подушках и кормить виноградом, ну а я, как твоя самая близкая подруга, заполучу все нужные связи в Столице! Ты, главное, не умри. Ладно бы Их Величество, так ведь и я пострадаю!

Завтракали они в одиночестве – теперь и господа улеглись спать. Гости понадеялись, что тоже на пару недель. И без того тяжелая обстановка становилась невыносимо тяжелой в присутствии хозяев-весельчаков.

А втроем даже дышать стало легче. Отрава, до сих пор чувствуя смущение в присутствии Лю, все же заставляла себя задавать вопросы о его размышлениях и планах, чтобы поддерживать видимость непринужденной болтовни. А он отвечал ей с улыбкой. И только Нанья выглядела непривычно задумчивой. Она долго не сводила с Отравы глаз, а потом перебила ту прямо посередине фразы:

– Свечка... Точно свечка.

– Ты о чем? – тут же стал серьезным Лю.

– На нашей ядовитой подружке поставлена свечка. Вон, прямо в волосах торчит! – она вскочила на ноги и подбежала к Отраве, глядясь еще пристальнее. – Свечка – это что-то наподобие нити, которая мысленно соединяет искомого человека и кудесника. Заклинание, показывающее, где именно находится...

– Что?! – Лю даже побледнел. – Я знаю про свечки! Кто мог ее поставить? Когда? Как?

– Вчера еще не было, – уверенно ответила Нанья. – Может быть, твой Великий Кудесник, чтобы приглядывать за Отравой?

Отрава не шевелилась, но тут же пояснила, боясь, что он разозлится:

– Я ей все рассказала, Лю. Извини, что не спросила твоего мнения, но решила...

Но ему и дела до того не было:

– Нет, Нанья, это не Великий Кудесник! Совершенно точно! Ведь он тогда про эти свечи мне и рассказывал. Говорил, что мог бы сам разыскать Отраву этим заклинанием, но вынужден послать меня. Потому что любой сильный кудесник чужую свечку на ней заметил бы! Нельзя было привлекать к ней внимания, и сейчас тем более нельзя! – он метался туда-сюда, даже не пытаясь скрыть паники. – Кто же это сделал? Нанья... Наньичка, можешь убрать?

Отрава и сама забеспокоилась, впервые увидев его в таком тревожном состоянии.

– Это без проблем, – ответила кудесница и просто махнула рукой над головой Отравы. – Все, теперь нет. Страхнуть ее – раз плюнуть, но это место им уже известно.

– Уходим! – перебил Лю. – Бегите в свои комнаты и быстро соберитесь, еду на кухне спросим.

– Может, стоит разбудить хозяев? – Отрава теперь водила ладонью по своим волосам, будто боялась, что там еще что-то осталось.

– Нет! – неожиданно заявила Нанья. – Слишком сильное колдовство эти ваши свечи. Это или кудесник уровня нашего Великого, или ему помогали с этой стороны...

– Собираемся еще быстрее, пока они спят!

Перевертыши на воротах были очень удивлены:

– Куда же вы? А почему господа не вышли вас проводить? Или вы обокрасть их решили?!

– Нет. Мы не взяли ничего, кроме еды, которую нам дали на кухне, – этого объяснения от Лю охране было достаточно. – Просто у нас возникли неотложные дела.

– Все равно подождите! – один из охранников продолжал хмуриться. – Слишком опасно! Давайте мы хотя бы отряд соберем, чтобы вас проводить, или коней дадим... Я сейчас быстро у господина спрошу...

– Не надо, спасибо, мы доберемся.

Удерживать их силой растерявшаяся охрана не собиралась – приказа такого не поступало. Но едва кованые ворота за их спинами захлопнулись, как пришлось подумать о дальнейшем:

– Какова вероятность, что разбойники нас просто не заметят? – Нанья почему-то шептала. Она, когда сильно боялась, менялась на глазах.

– Нет такой вероятности, если пойдем по дороге, – ответил Лю. – Они за нами следили, когда мы сюда бежали, просто нападать не стали.

– И... что же делать? – Отрава заразилась страхом Наньи.

Лю остановился.

– Предлагаю идти через лес, крюком мимо Красного Листа. Будет сложнее, но так хотя бы появится шанс. Они не могут контролировать все, поэтому тщательно смотрят только за дорогой. Дальше. В случае нападения я сразу обращаюсь, поэтому они переключатся на меня, как на самого сильного. Нанья, ты встаешь перед Отравой и своими огненными шарами отгоняешь любого, кто к вам приблизится. Ясно? Если будут стрелять из луков, то не пытайтесь бежать – наоборот, замрите. Им невыгодно нас убивать, но по движущейся цели можно случайно и попасть. Отрава, возьми нож.

Звезды были не на их стороне. Они пытались очень тихо перемещаться сквозь густые заросли, но Отрава всех задерживала – она просто не могла бежать слишком долго. Тогда Лю перевернулся собакой, но передвигался довольно медленно, чтобы Нанья успевала. Та совсем не жаловалась. Да они вообще за несколько часов ни единого слова не произнесли.

Лю вдруг остановился, прислушиваясь, а потом ткнул носом уже порядком уставшую Нанью. Та, поняв его намерения, тоже вскарабкалась к нему на спину, чтобы побыстрее миновать это место. Но звуки в стороне были теперь слышны и им. Их заметили или услышали. Или они случайно задели какую-нибудь сигнальную нить. Справа крики раздавались все отчетливее, а Лю с удвоенной ношей не мог бежать быстрее. Он рванул влево и вылетел на поляну, но и впереди уже виднелись фигуры. Проскочить всем троем не удастся.

Поняв, что они в ловушке, Лю остановился. Девушки спрыгнули на землю. Отрава сжимала в руке нож, Нанья же к этому моменту едва стояла на ногах от страха.

– Нанья, подруга, мы справимся! – Отрава не узнала свой голос. – Мы справимся!

Она и сама в это верила, потому говорила так решительно. В такие моменты иного выхода нет, кроме как верить в себя и друзей. Поэтому сразу успокоилась и отыскивала в себе силы удивиться, заметив, как Лю снова переворачивается – из большой черной собаки он превращался в другое существо: шерсть будто врастала обратно в его тело, оголяя кожу, которая тоже менялась за считанные мгновения: сначала стала более блестящей, а потом от шеи полезли наружу длинные шипы. Пасть уже ничем не напоминала собачью – таких клыков Отрава даже в книгах про диковинных зверей не видала. И сначала ей показалось, что такое устрашающее существо способно победить любое количество врагов...

Так она думала, пока не увидела, как из зарослей выходит десяток почти таких же. А за ними возвращенцы и кудесники. Последние тянули вперед руки – они создавали стену, через которую не пробьешься. Пара десятков человек, если не считать перевертышей.

– Здравствуйте, гости дорогие! – весело обратился к ним возвращенец, вышедший вперед. – Смотрю, вы неместные, поэтому проводим вас к Главе – наидобрейшему человеку, который ни одного путника в беде не оставляет.

– Послушайте! – голос Отравы дрожал, но она старалась говорить уверенно и громко. – Мы отдадим вам все золото, что у нас есть!

– Конечно, отдадите, малышка, в этом мы и не сомневались! – за его спиной раздался смех. – Но вряд ли у вас с собой достаточно, чтобы мы были настолько любезны.

– Мы обычные крестьяне, – Отрава ощущала, как Нанья дрожит, хотя даже не смотрела на нее, поэтому говорила еще громче и увереннее. – За нас не дадут большого выкупа. Можете посмотреть наши бумаги.

Тут она соврала. Потому что из бумаги Лю следовало совсем иное. Но ей казалось, что надо начать хоть какие-то переговоры, а потом можно будет придумать, как вытащить и Лю. Или хотя бы организовать его выкуп. Но оказалось, что разбойники думали в прямо противоположном направлении:

– Если перевертыша никто выкупать не станет, то пусть и идет с миром. Мы ж не изверги какие, чтобы бедных крестьян убивать. Мы люди благородные – отбираем только у богатых и отдаем бедным. Себе, в основном. Так что лишай с ним, пусть уходит. А вот рюкзачки с малышками нам останутся, все честь по чести. Уходи, перевертыш, и не оглядывайся.

После этих слов Отрава уже не сомневалась, что добром дело не кончится. Лю зарычал и бросился вперед, но даже до возвращенца добраться не успел – ему тут же наперерез рванули два перевертыша. Одного он прямо в прыжке ухватил за горло, резко и неестественно развернулся и тут же треснул об землю, ломая позвоночник. Повернулся ко второму, который нерешительно замер. Но Лю сам кинулся к нему, вцепился в бок и рванул на себя, выдирая огромный кусок мяса. Перевертыш отлетел в сторону с оглушающим визгом. Остальные окружали, но теперь каждый боялся выступить первым. Даже Отраве было очевидно, что Лю сильнее и быстрее любого из них. У него морда была уже разодрана шипами первого, но он наверняка успеет перебить еще нескольких, если не всех, пока им удастся его хотя бы заметно ранить.

Это стало понятно и остальным. Кудесники перекидывались командами, но вмешиваться в эту драку боялись – можно и по своим попасть. Они подходили к перевертышам сзади, продолжая держать впереди руки и этим гарантировали, что Лю сбежать уже не сможет, а свои не смогут струсить и сдать назад.

– Нанья, Нанья, соберись! – закричала Отрава. – К нам бегут трое!

Ей показалось, что подруга плачет или вообще не в себе. Кудесница подняла одну руку, сжала в слабый кулак и кинула в первого. Шар приземлился возле его ног, но второй уже уго-

дил прямо в лицо, заставив заорать от боли. Один есть. Неплохо, если бы к ним не бежали остальные.

Отрава встала рядом с Наньей и решительно подняла нож. Она не умела драться, но была намерена стоять до последнего. Нанья никак не могла взять себя в руки, поэтому часто промахивалась – она должна почувствовать, что рядом с ней кто-то есть!

Разбойники тоже моментально оценили ситуацию:

– Кудесницу вычеркиваем! От нее живой больше проблем будет!

Двое тут же вскинули луки. Нанья в панике сначала шарахнулась в сторону, споткнулась, но потом вскинула руки ладонями вперед – точно так же, как это делали другие кудесники. Стрела стукнулась обо что-то невидимое и упала на землю. Нанья тут же швырнула целым залпом сияющих шаров, а потом развернулась и побежала. Она просто кидала шарами себе за спину, даже не поворачиваясь. Когда еще один из преследователей заорал от боли и начал срывать с себя горящую одежду, остальные сбавили скорость. Отрава ошарашено смотрела на удаляющуюся фигуру Наньи и только шептала ее имя.

После того как кудесница ее бросила, разбойникам понадобилось несколько секунд, чтобы выбить у нее из руки оружие, схватить за волосы и прижать нож к горлу. Она закричала от ужаса, не в силах сдержаться, и начала вырываться. Отрава точно знала, что смерти боится меньше, чем того, что с ней сделают, если она выживет. Но Лю, обернувшийся на ее крик, сразу замер и выпустил из клыков очередную жертву. Через мгновение перевернулся в чело- века, встал сначала на колени, а потом на ноги. Перевертыши замерли, не понимая, почему он вдруг сдался, ведь даже не был ранен, а теперь убить его можно было одной стрелой.

– Вот и славненько, – хмуро заключил тот же возвращенец.

Теперь враги не смеялись. Они ведь и предположить не могли, что понесут такие потери: Лю успел убить шестерых перевертышей, а Нанья серьезно обожгла троих возвращенцев, кото- рые теперь корчились на земле. Ближайший кудесник наклонился к тому, которому огненный шар выжег лицо, пригляделся и милосердно перерезал горло, и только потом пошел смотреть на тех, кто кричал тише. Ни один из присутствующих не посчитал этот день удачным.

– Перевертыша убейте, малышку возьмем с собой – ей придется очень потрудиться, чтобы поднять нам настроение.

Отрава перестала вырываться и закричала:

– Нет! Он из столичной стражи, у него высокий ранг! За него дадут мешок золота!

Один из тех, что вытрясали на землю содержимое рюкзаков, поднял бумагу и присвист- нул.

– Малышка не врет. Даже, можно сказать, преуменьшает...

Лю шатало, а все лицо было изодрано в кровь. Теперь его нагота, как и нагота перевора- чивающихся врагов, Отраве была безразлична. Ей все стало безразлично. Страх не может быть бесконечным – когда переходишь через него полностью, то уже все становится неважным. Она даже не вздрогнула, когда Лю заговорил:

– Возвращенку тоже не трогайте. Я, Лю, родившийся в Столице, страж первого ранга, присягнувший лично Их Величеству, клянусь, что за нее дадут в сто раз больше, чем за меня. Клянусь, что если она пострадает от ваших рук, то искать виноватых будет сам Великий Кудес- ник. Клянусь... нет, я просто в этом уверен, что если с ней что-нибудь случится, то весь этот лес вместе с вами сравняют с землей.

Клятва перевертыша в дополнительных доказательствах не нуждалась. Разбойники только переглядывались, а один даже передал Лю его одежду, которую вытащил из рюкзака – вероятно, на случай, что тот припомнит благодетеля, когда их лес с землей равнять будут. Воз- вращенец, который до сих пор выступал тут главным, только головой качал:

– Ого, какие ценные путники к нам в гости пожаловали. А настроение, оказывается, поправимая штука!

Эпизод 6. Кристофер Кирами

– Идиоты... Безграмотные, тупые, непроходимые идиоты...

Глава разбойников выглядел скорее уставшим, чем злым. Когда Отраву и Лю притащили в лагерь после нескольких часов пешего похода через лес, то к ним навстречу вышел седовласый возвращенец и еще пара людей. Судя по трепу тех, кто их вел, большая часть разбойников занята патрулем дороги. Неудивительно, что они с таким количеством держат в страхе всю эту огромную территорию. Главарь же их, по всей видимости, постоянно находился в лагере и только контролировал перемещение отрядов. А они тут неплохо обжились: расположились рядом со скальными пещерами, обеспечив себе прикрытие с двух сторон и возможность перезимовать за каменными стенами, а на небольшом лысом пятачке построили хижинки. Присутствовала и пара зданий покрупнее – возможно, склады для награбленного или казематы для пленников, пока ждут выкупа. Практически деревенька! Вот только без полей и овец.

Лю бросили на землю, а Отраве снова приставили к горлу нож, уже поняв, что так перевертыш ведет себя смиренно. Повторения кровавой бойни они точно не хотели. Тот, что руководил отрядом, быстро отчитался перед Главой. Но к концу его рассказа старик только головой качал и почти спокойно сыпал проклятия на своих подчиненных:

– Да где же были твои мозги, Песок? Что же ты натворил? Ведь знал же, что перевертыш не врет... Что нам теперь делать?

– А что делать, Глава? – он перекидывался удивленными взглядами со своими друзьями, но и те не знали ответа. – Выкуп брать, что ж еще?

– И кто из вас отправится с требованием во дворец Их Величества? Нет-нет, добровольцы, что же вы стесняетесь? Поднимайте руки.

Добровольцев не нашлось, а Песок теперь говорил гораздо тише и менее уверенно:

– Так... с почтовиком письмом отправим...

– И ты уверен, что они явятся сюда именно с выкупом, а не с чем-нибудь другим? Например, армией.

– Не уверен, Глава...

Песок совсем плечи опустил и выглядел теперь чуть ли не так же плохо, как Лю. А Глава продолжал своим мягким, почти ласковым голосом:

– Отпустить их надо было, просто отпустить... А не хватать кусок, который проглотить не получится. Жадность многих погубила.

– После того, как они столько наших положили? – Песок вскинул голову, но тут же снова потупился. – Не подумал, прости...

– Ты не просто не подумал, ты их в наш лагерь привел. Перевертыша из столичной стражи привел, который своим обязательно теперь доложит. То есть мы и отпустить их не можем, и убить побоимся, потому как... Что там про Великого Кудесника было?

– С землей сравниет, – Песок выглядел все хуже.

– Кудесники, на них нет свечек? – Глава посмотрел в сторону, и там сразу двое уверенно помотали головами. Тогда он тяжело вздохнул, подумал мгновение и решил: – Заприте обоих. Кудесник Лилуш, дважды в день проверяй, не появятся ли свечки. Перевертыша в кандалы, чтоб он нам неприятностей ночью не устроил. И девицу пока не трогайте, тут подумать надобно. Песка повесить во-о-он на той сосенке. Давно там никто не висел, оттого и расслабились... И да, когда вернется Ветер, тоже повесьте, пусть рядышком два идиота и болтаются. Сразу нужно было это сделать, когда он с кровопийцей так же прокололся, сегодняшней ошибки бы уже не повторили.

– Глава!

Но крик возвращенца Песка уже никого не остановил. Отрава даже не стала оборачиваться, когда ее толкали к одному из деревянных сараев. Там ей руки стянули за спиной веревкой, а Лю приковали цепями, перетянув при этом и шею, и живот, чтобы не сумел перевернуться. Он и без того едва на ногах держался, а с такой тяжестью даже пошевелиться не мог. Прислонился к стене, закрыл глаза ненадолго, потом открыл и улыбнулся. От этого вообще умереть захотелось – из-за нее он попал в беду, из-за нее даже драться дальше не мог, а сейчас сидит, морщась от боли, и улыбается ей кровавой улыбкой.

– Ничего, Отрава, ничего. Жаль только, что воды не дали.

Она не стала отвечать – нелепо сейчас произносить слова, которые никаких переживаний не отразят. Отрава просто смотрела на него и думала, что влюблена теперь еще сильнее. И о том, почему это чувство никогда ответа не найдет, даже если они выживут. Потому что он – герой, а она – ничтожество. Еще день назад она этого так отчетливо не видела, но теперь поняла. Даже Нанья, которая их бросила, не была виновата так сильно – она-то сама бежала по лесу, никого не задерживая, она нескольких разбойников изувечила, она сделала в тысячу раз больше, чем Отрава, у которой почти сразу выбили нож... Думать плохо про Нанью не получалось вовсе – та никогда и не скрывала, что не умеет бороться со страхом. Если разбойники ее поймали, то убили на месте. Кудесника с такими способностями взаперти можно удержать, только залив кипящим свинцом рот. Поэтому Отрава даже надеялась, что подругу просто убили на месте.

– Вот мы его и нашли, – Лю кивнул в сторону. – Ну, привет, Кристофер Кирами.

– И ты будь здоров, перевертыш. Надеюсь, вы знаете много баек, а то тут бывает скучновато.

Отрава из-за смятения в ту сторону еще не смотрела. Кровопийца лежал чуть поодаль, он с трудом поднял голову, а потом сел. Его цепи выглядели еще массивнее, чем у Лю. Он был похож на родителей – такие же тонкие черты лица и белые волосы, только короткие и грязные. И говорил точно так же монотонно. Одежда висела на плечах рваными лоскутами, вся в крови.

Кровопийца заметил ее взгляд:

– Они в меня ножи метают. То ли посмотреть, как быстро заживет, то ли просто бояться, что я заскучаю. Вчера... или на прошлой неделе... отрезали палец – глянуть, отрастет ли новый, – он попытался поднять руку, но потом просто показал взглядом, но Отраве было не рассмотреть.

Ей стало жаль его. Да, кровопийца, но ради чего пленника пытаются две недели?

– Отрос палец-то? – зачем-то спросил Лю.

– Я тебе что, цветочек весенний? – вопросительные интонации в голосе Кристофера можно было только предположить, но не расслышать. – Хряково выглядишь, перевертыш, от твоего вида вся надежда на спасение умирает.

– Меня зовут Отрава, а его – Лю, – сказала Отрава, почувствовав, что в этой ситуации вполне можно оставить в стороне предрассудки. Он последним заявлением обозначил кое-что важное – они или выберутся все вместе, или не выберутся вообще. – Кристофер, почему они не требуют выкуп за тебя?

– Глава их очень осторожен. И не зря. Боятся, что моя обрадованная мама может ненароком перебить их всех. А не убивают, потому что я веселый и скрашиваю их унылые вечера.

Лю устало кивнул:

– Разбойники обычно с кровопийцами потому и не связываются. Почему же на тебя напали?

– Все было немного не так, – Отраве показалось, что он улыбается, но когда она посмотрела в его сторону, лицо его оставалось таким же каменным. – Я расскажу. Все равно тут делать больше нечего. Еду я, значит, из Красного Листа, дождь, сыро. Прекрасная погода, поэтому не спешу. Накинул плащ с капюшоном. И догоняет меня бедняк какой-то, возвращенец. На

старой кляче. Сначала окликнул, чтоб вместе ехать, а потом, как лицо мое увидел, стушевался и вперед рванул, – Кристофер говорил медленно, иногда делая слишком длинные паузы между словами, наверное, от бессилия. И Отраве очень сложно было воспринимать его рассказ из-за отсутствия интонаций. – То есть меня он боялся больше, чем разбойников. Это называется расизм, если вы не знаете. И так мне неприятно от этой мысли стало, да еще и погода чудесная... В общем, догнал его, хотел объяснить, что расистом быть некрасиво.

– Убил? – спросил Лю.

– Убил, – без пререканий согласился Кристофер. От этого признания чувство единства у Отравы сразу пропало. – Он уже трепыхаться перестал, а я ничего вокруг не видел. Увлёкся. В меня восемнадцать стрел попало до того, как я выпрямился. Все равно убил немало, но сознание потом все-таки потерял. Очнулся уже тут.

– Выходит, ты сам виноват! – не удержалась Отрава, проклиная себя за то, что еще минуту назад его жалела.

– В чем? В убийстве? – он будто и правда не понимал. – Тот возвращенец в одиночку все равно бы не добрался, как пить дать. Кстати, про пить – они меня ни разу и не кормили.

– А чем они тебя должны были кормить? – Лю нашел в себе силы тихо рассмеяться. – Собой?

Но кровопийца на его сарказм внимания не обратил:

– Я умру скоро. Неделя – это максимум. На ноги уже встать не смогу. Если вас взяли для выкупа, и вы выживете, отправьте с почтовиком записку в замок Кирами. Пусть мать больше не ждет. Обещай, перевертыш.

Лю поморщился, но, видимо, решил, что такую мелкую услугу даже убийце можно оказать:

– Обещаю.

– Славно. Или у нас всех троих есть другой вариант. Возвращенка, если ты подползешь ко мне и подставишь шею, то уже через полчаса мы будем свободны.

Лю покачал головой:

– Не слушай его, Отрава. Он-то, конечно, выберется, но нас вытаскивать не станет. А тебя при этом убьет – представляешь, какой он сейчас голодный?

– Я смотрю, ты тоже расист, – с тем же равнодушием заключил Кристофер.

Отрава сначала бросила на него брезгливый взгляд, но потом посмотрела на Лю:

– Я привязана к столбу сзади. Поэтому даже если б захотела, то не смогла.

– Еще одна надежда хрякнулась, – отозвался кровопийца. – У меня какая-то черная полоса началась.

Больше они не разговаривали. Обсуждать при постороннем свои дела или переживания не хотелось. Да и отсутствие воды сказывалось – во рту уже и без того пересохло, на болтовню сил не находилось. К ним так никто и не заходил – заглядывали только иногда в окно, проверяли, но больше ничего не делали. Наверное, стоило радоваться хотя бы этому.

Но к вечеру все же зашел молчаливый охранник. Внимательно на всех посмотрел, подергал цепи Лю, а потом подошел к кровопийце и воткнул ему стрелу в основание шеи. Кристофер при этом не произнес ни звука, только глаза на пару мгновений закрыл.

– Доброй ночи, гости дорогие, – сказал охранник напоследок, а потом вышел и запер дверь.

Едва стемнело, Лю улегся на бок и почти сразу уснул. Восходящая ночная звезда давала совсем мало света – кровопийцу разглядеть теперь было невозможно. Отрава видела только, что он сидит в той же позе. Она же никак не могла задремать: стянутые запястья ныли невыносимо, хотелось пить и есть. Но Отрава глупо думала только о том, как будет справлять нужду, ведь рано или поздно терпеть не сможет. Ей грозила смерть, возможно, пытки или изнасило-

вание, а она могла думать только о том, что рано или поздно захочет в туалет. Как необъяснимо глупо себя чувствуешь, когда мелкие потребности тела становятся чуть ли не важнее всего.

Она вздрогнула, почувствовав движение на отекавших руках. Потом, замерев, ощутила, как веревка дернулась, причинив невыносимую боль опухшей коже.

– Возвращенка, – позвал кровопийца из темноты. – Почему твое сердце вдруг заколотилось? Что случилось?

Отрава, вместо ответа, подняла освободившиеся от пут руки и принялась растирать затекшие запястья, сама еще не понимая, что произошло.

– Ха. Вот это сюрприз. Почему же вы сразу не сказали, что привели с собой кудесника?

Точно, это Нанья! Она не бросила их! Она жива! И сейчас, наверное, вся трясется от ужаса, прошептав заклинание. Она должна быть где-то неподалеку, но вряд ли сможет в одиночку справиться со всеми разбойниками или заклинанием разбить железные кандалы Лю. Отрава встала на четвереньки, а потом на трясущиеся ноги.

– И вот теперь у тебя есть выбор, возвращенка. Если я буду сыт, то смогу освободиться, и твоего дружка спасу – их цепи не рассчитаны на кровопийц. Обещаю, что постараюсь тебя не убить.

Он говорил очень тихо, поэтому Лю не проснулся – на восходе ночной звезды перевертыши обычно крепко спят, да еще и раны с изнеможением сказались. Отрава смотрела на него совсем недолго. Какой тут выбор? Если есть хоть один шанс, чтобы он выжил, то разве она имеет право выбирать?

Она решительно шагнула к кровопийце, села перед ним на колени, выдернула стрелу из его шеи, наклонила голову набок и убрала волосы.

– Смелая возвращенка, – теперь он шептал, но точно так же монотонно. – Но давай-ка поближе, я сейчас не слишком способен на ухаживания за едой.

Отрава только теперь ощутила, насколько сильно боялась. Она, наоборот, отодвинулась, но потом заставила себя протянуть к нему руку. Кровопийца вцепился в запястье сразу, стало невыносимо больно, будто руку кипятком обожгло. Она стиснула зубы, чтобы не закричать. Но все равно долго выдержать не смогла – ударила его по лицу и тут же выдернула руку. Задыхаясь и уже трясясь всем телом, напонила себе о ставках.

– Сейчас... сейчас... – она убеждала скорее себя, чем его.

Но Кристофер теперь с легкостью рванул вперед, словно на его руках не было неподъемных цепей, схватил сам и вгрызся в то же место. Отрава вскрикнула. Позади звякнули цепи.

– Что ты творишь, ублюдок? – заорал Лю. – Я тебя сейчас на куски разорву! А ты, гадюка, куда полезла?! Я тебя разве не предупреждал?! Тупая Отрава, как ты смеешь свою бесценную жизнь отдавать какому-то полумертвому уроду?

У него даже нашлись силы, чтобы вскочить на ноги, а звон цепей только добавлял шума. Кровопийца оттолкнул от себя Отраву.

– Как не вовремя сегодня ночная звезда поднимается.

Он легко встал, ухватил зубами за железное кольцо вокруг своей руки, а второй с явным усилием рвал в другую сторону, пока железный болт не вылетел. С другой рукой справился еще быстрее – он будто на глазах наполнялся силой. Лю при этом продолжал орать, успокоить его в этот момент было невозможно. На улице начался шум.

– Кристофер, умоляю, освободи его! Умоляю! – Отрава кричала в полный голос, сейчас уже было все равно.

Но кровопийца на нее даже не посмотрел, сразу направился к двери.

– Кристофер! – она бросилась следом и теперь перекрикивала даже Лю. – Нас выкупят! Мы очень важные люди! И тогда мы вернемся в замок Кирами! Я клянусь, что мы отомстим и тебе, и твоим родным!

Кровопийца замер. И буквально через мгновение оказался рядом с мечущимся в своей бессмысленной ярости перевертышем, содрал с него оковы и тут же отлетел в сторону, чтобы тот на него не набросился. Лю же переворачивался, раздирая на себе одежду.

Дверь уже отпирали.

– Ха. Не успел.

– Они накормили кровопийцу! – заорал первый влетевший в сарай. – Все сюда! Оружие! Все сюда!

Лю бросился на Кристофера, но тот теперь передвигался с необычайной скоростью, и потому снова оказался в другой части сарая.

– Перевертыш, темный хряк тебя дери, давай для начала с этими разберемся, а потом уже друг другу морды будем бить, – его спокойный голос в начавшемся хаосе звучал до абсурда неестественно.

Но Лю его услышал и каким-то образом смог перенаправить агрессию. В конце концов, ему нужно было выпустить пар, и разбойники для этого в самом деле подходили больше. Он кинулся к открытому проходу первым, кровопийца за ним. Отрава слышала только рев и крики, но понимала, что тамошнее зрелище не для слабых. Когда и она подобралась к двери, зажимая ладонью кровоточащее запястье, то на другом конце лагеря увидела Нанью, державшую перед собой невидимую стену, на которую натыкались все, кто побежал в ее сторону. И теперь вышло, что они втроем сжимали всех разбойников, которые находились в лагере, а те даже не знали, в какой стороне больше шансов на спасение.

Лю кидался на перевертышей, которые обращались прямо на ходу. Кровопийца выбирал кудесников – и успевал свернуть им шеи до того, как они вскинут руки. Последнему вообще с противным звуком выдрал руку из плечевого сустава и отбросил в сторону. Огляделся, оценил обстановку, а потом, видимо, вспомнил, что не наелся и вцепился зубами в шею первого попавшегося возвращенца. Нанья уже просто молотила шарами по кому придется.

Выжившие теперь даже не пытались отбиваться. Как только Нанья отпустила невидимый заслон, они мимо нее побежали в темноту. Разбойников в лесу еще много, ведь они днем и ночью контролировали огромный участок дороги. Там их могут быть еще десятки или сотни. Но в этом месте уже через несколько минут все было решено.

Отрава только поблагодарила ночную звезду, что та недостаточно яркая и не обнажает всех подробностей. Споткнулась о тело, поэтому случайно взглянула вниз и отыскала в увиденном некую иронию: Глава без головы. Только по одежде и грузности можно узнать. И ведь даже непонятно, кто именно стал его убийцей. Он был жестоким, но осторожным и умным человеком. Ему не повезло только в том, что не все его подчиненные были так же умны.

Нанья облегченно смеялась, когда по очереди обнимала сначала Отраву, а потом и перевернувшегося в человеческий облик Лю. Она даже Кристофера по плечу хлопнула, тоже сразу узнав:

– А ты прям весь в свою полудохлую мамашу! Интересно, сколько она заплатит за то, что мы ее единственного сыночка спасли?

– Много, – равнодушно ответил тот. – Перевертыш, ты бы оделся.

– Кто бы говорил? – ответил Лю, вытирая ладонью кровь с лица. – На себя посмотри!

– Я-то в штанах.

Кровопийца закатил глаза к уже поднявшейся ночной звезде, а потом лениво направился к ближайшей хижине. Лю занырнул в другую. Одежду они себе точно отыщут. А Отрава с Наньей, не сговариваясь, направилась к третьей – вода им всем не помешает, а кудеснице лучше заодно перекусить после такого-то волнения.

Эпизод 7. Кто на свете всех бессмертнее?

На рассвете они шагали по дороге и не слишком часто озирались по сторонам. Разбойники, коротавшие ночь вдалеке от лагеря, вряд ли уже были в курсе, что произошло, но на такую компанию нападать было бы верхом глупости. И одного кровопийцы, который на этот раз шел без капюшона, было достаточно, чтобы отсидеться в кустах. Нанья подлечила заклинанием руку Отравы, но на запястье еще ныли красные синяки. Отрава косилась на кровопийцу, но так и не решалась спросить, почему он до сих пор идет с ними. Заметила только, что на правой его руке указательный палец в самом деле отсутствует – хоть в этом не соврал.

– И куда мы теперь? – Нанья задала другой вопрос – более важный.

– Без понятия, – честно ответил Лю. – Отдохнем в Серебряном Облаке, оставим страже сведения, чтобы сами остальных разбойников переловили, потом и решим. И нет, Отрава, в Тихую Речку мы не вернемся! Там станут искать сразу после замка Ронмару.

Отрава насупилась оттого, что ей на незаданный вопрос так безапелляционно ответили, а Нанья предложила:

– Так, может, все-таки к Кирами заглянем? С мешком золота куда веселее по государству гулять! Эй, белобрысый, как думаешь, твой нам один мешок дадут или два?

Но тот будто и не услышал вопроса. Он шел рядом с Наньей, с самого края. А по другую сторону от Отравы шагал Лю. Кровопийца и перевертыш, не сговариваясь, разместились так – в случае нападения они, самые сильные и чуткие к звукам, смогут среагировать первыми. Кристофер будто рассуждал сам с собой:

– Так вы, получается, прячетесь от кого-то. Я вот думаю, а не попрыгаться ли мне с вами? В Серебряном Облаке напишу своим письмо, что жив-здоров, а сбежал, чтобы на Лионессе не жениться. Я и правда ведь жениться не хотел, так чем не предлог?

– Ну уж нет! – вскрикнула Отрава, но глянув на его равнодушный профиль и вспомнив остроту его клыков, сбавила тон. – Зачем тебе с нами идти, Кристофер? Вряд ли мы можем быть для тебя подходящей компанией.

Но Лю добавил более откровенно:

– Вали домой, кровопийца! И благодари звезды, что я тебя не убил. Но за вашим замком ребята приглядят – уж будьте уверены.

– Решено. Пойду с вами. Я почти безвылазно сидел за книгами тысячу лет. У кровопийц слишком размеренный образ жизни. Но после такого потрясения мне почему-то не хочется назад в свое спокойствие.

Нанья хохотнула:

– Неудивительно! Такого образа жизни, как у вас, и врагу не пожелаешь! Гниете в этих своих склепах, спите неделями... Но нам ты не нужен, уволь. Разве ты не понимаешь, как сильно нас раздражаешь?

А вот на нее он посмотрел, этим подчеркнув, что выделяет из всей разношерстной компании:

– Будь уверена, что я не раздражаю вас и вполнину так, как вы раздражаете меня. Но за тысячу лет мне почти не удавалось познакомиться с кем-то вроде вас. Вашу компанию будто специально подбирали для циркового представления, чтобы все психологические проблемы осветить.

– Какие еще проблемы? – Нанья нахмурилась.

– Могу ответить, аппетитная. Вот ты, например, трусиха, каких свет не видывал – от тебя в лагере страхом несло сильнее, чем магией. Но при этом бросилась спасать друзей, хотя даже плана толкового не было. Мелешь все, что в голову взбредет. То есть по всем параметрам – дура набитая.

– Что?!

– Перевертыш из вас самый умный. Идет себе, думы думает, а с вами не делится – верный показатель наличия ума. Хотя, возможно, я необъективен – перевертыши больше всех похожи на кровопийц, поэтому и не злят так сильно.

– Да иди ты к темному хряку! – не выдержал и Лю. – У нас с вами ничего общего нет!

– Мало, но есть, – тот был невозмутим. – Например, преданность. У нас, правда, не настолько собачья, но по сути похоже. Только мы и вы остаемся с партнерами навсегда. Только мы и вы ставим долг превыше страстей. Наши две расы задают структуру общества, а остальные – лишь наполнение.

– Ну да, – расхохотался Лю. – И вы, конечно же, выше всех?

– Конечно же. Кровопийцы созданы для того, чтобы управлять, перевертыши – чтобы служить. С последним-то хоть ты не будешь спорить? А остальные нужны, чтобы кормить, лечить и развлекать.

– Поосторожнее! – напрягся Лю. – Революционные речи слушать не стану! Не забыл, что Их Величество – возвращенец?

– В том-то вся и беда. Только слепые в своей преданности перевертыши не видят, что кругом творится. Не задумывался, отчего даже твои соплеменники в разбойники подались? Ведь вы наперекор совести никогда не идете.

Поскольку Лю не ответил, вмешалась Отрава:

– И что, ты хочешь сказать, что десять тысяч лет назад, когда на троне сидел кровопийца, было лучше?

– Перед переворотом было хуже, как говорят родители, – спокойно согласился он. – Но даже среди нас бывают отклонения. А вы из-за одного идиота всю структуру поменять решили. Это же надо – усадить на трон возвращенца, который через каких-нибудь сто лет умирает, поэтому, в принципе, не способен быть стратегом на тысячелетия вперед.

Лю уже заметно злился, он сжимал и разжимал кулаки, но пытался держать себя в руках. Наверное, останавливал себя мыслью, что долг его важнее, чем попытаться заткнуть рот сытому кровопийце. Поэтому слова он произносил с едва сдерживаемым ядом:

– Это полный абсурд! Императоров всего два: они возвращаются и сменяют друг друга на троне! Куда уж стратегичнее?

– Я не верю в то, что возвращенцы возвращаются. В прямом смысле этого слова.

На такой бред никто не знал, что и сказать – похоже, кровопийца был не в своем уме. Отрава нерешительно спросила, потому что ее-то этот вопрос затрагивал в первую очередь, пусть даже и получит она только очередную чушь в качестве объяснения:

– В смысле?

– Вот ты, возвращенка, имеешь тот же характер, что и в прошлой жизни?

– Нет.

– Скучаешь ли по тем людям, которых любила она?

Зачем он спрашивал о таких очевидных вещах?

– Нет, конечно! Это даже смешно. Я просто знаю то, что знала она. Но я оставила ее жизнь за гранью смерти, чтобы прожить новую.

– А сколько лет прошло после твоей смерти до нового рождения?

– Около десяти, – она никак не могла понять, к чему он хочет подвести.

– Вот именно. Всего десять лет. Среди возвращенцев считается дурным тоном искать кого-то из предыдущих жизней или напоминать о себе бывшей родне, – Отрава кивнула, соглашаясь. – Они не мстят своим обидчикам из прошлой жизни – они даже не воспринимают те обиды, как свои. Они не любят тех, кого любили. Вы это свое Великое Колесо Жизни четко разделяете на этапы. Все возвращенцы. Кроме Их Императорских Величеств. Почему им поз-

волено то, что не позволено всей их расе? Откуда ты можешь быть уверена, что на самом деле прожила предыдущую жизнь?

Отрава так оторопела, что остановилась, заставив притормозить и остальных. Но теперь она смотрела только на Кристофера.

– Не слушай его, ядовитая моя, – вмешалась Нанья. – Это же кровопийца – он кровь умеет пить и в прямом, и в переносном смысле!

Но Отраве стало на самом деле интересно, поэтому она ответила Кристоферу:

– Потому что я помню!

Он тоже смотрел ей прямо в глаза, и взгляд его был не менее ледяным, чем голос:

– У меня несколько версий. Например, вы просто придумываете себе прошлую жизнь – нет, не осознанно. Но если ребенку с рождения говорить, что примерно к двенадцати годам он вспомнит о себе в другом теле, то он непременно что-нибудь вспомнит – точнее, разум его это придумает. Причем вспомнит только то, что в этом возрасте способен вообразить, а остальное додумает позже. Разве ты, когда вспомнила свою прежнюю жизнь, сразу увидела и интимные отношения с ее мужчинами, и боль от рождения детей? Или все это накладывается постепенно, по мере получения собственного опыта или хотя бы возможности представить этот опыт? Разве не все возвращенцы, которых ты знаешь, прошлую жизнь жили именно в Левоморье? Не потому ли, что они попросту не могут вообразить быт других стран?

– Совпадение... И просто воспоминания возвращаются постепенно... – Отрава сказала это неуверенно, но потом припомнила и доказательства: – Нет, это полная чушь! Откуда бы я могла знать, как выглядела Столица в те времена? Или как торговаться за шелк? Или как лечить отравление от диковинной лалаша, которую в Тихую Речку однажды завезли торговцы, и полдеревни слегло с животами? Мне тогда тринадцать было, но я сразу припомнила, что надо через силу уголь глотать – всем помогло! Откуда бы я это знала, если бы не жила в прошлой жизни в месте, где лалаша повсюду растет?

– Именно поэтому у меня есть и вторая версия. Вы ловите настоящие, но чужие воспоминания. Возможно, это и есть особенность вашей расы.

– Или мы просто возвращаемся!

Он медленно покачал головой:

– Нет, в это не верю. Звезды не создают бессмысленного, а эти возвращения бессмысленны.

Отраве стало смешно, когда она уловила логику в его рассуждениях:

– То есть ты просто хочешь, чтобы только кровопийцы были бессмертными, так ведь?

– Мы тоже смертны, возвращенка, просто история ваших рас движется так быстро, что по умолчанию считает нас бессмертными. Где, по-твоему, мой дед или прадед? Далекое не все мои предки были убиты, но кровопийцы могут жить очень долго... иногда пока самим не надоест.

Отрава развела руками. Лю и Нанья слушали, но не вмешивались, раз она сама затеяла и продолжает этот бессмысленный спор.

– Тогда это просто зависть! Потому что мы бессмертны на самом деле! Почему наши возвращения бессмысленны?

– Подумай, возвращенка, если есть чем. Бывают такие чудесники, которые позволяют вам вспомнить многие свои жизни, а не только последнюю. Или, если взять мою теорию, поймать настоящие воспоминания каких-то других возвращенцев. И тогда вы имели бы все шансы стать учеными, управляющими или мудрыми учителями. Почему же вы этого не делаете?

– Боимся, – признала она, но этот факт был общеизвестным.

– Чего? Стать тухляками? Глупые предрассудки.

Видимо, кровопийцам нужно даже очевидные вещи повторять:

– Накопленная за множество жизней мудрость не может не изменить человека! Тем более что мы, в отличие от вас, свои жизни проживаем в разных телах, местах и условиях, а не сидим

взаперти в замках, потому и опыт накапливаем гораздо быстрее! Ну, так и чем может закончиться этот процесс, если всю полученную мудрость просто складывать?

Кристофер ее эмоциональностью ничуть не заразился:

– Уж точно не стать тухляками. Это же вообще другая раса.

– Тогда откуда берутся тухляки?

На этот вопрос он, по всей видимости, ответа не знал, потому сменил тему, повернувшись к Лю:

– Так вот, даже если они возвращаются, то совсем другими людьми – против этого даже возвращенка не спорит. А это значит, что вы усаживаете на трон не тех же самых императоров. И если первые это право отвоевали, то все их последователи имели точно такие же способности к управлению, как и любой другой, взятый с улицы. Конечно, император это тоже понимает, потому и не спешит проводить грандиозных мероприятий. Зачем? Он и без того обречен доживать жизнь в шелках и роскоши. И десятки императоров до него рассуждали так же. Мир до сих пор не рухнул, только потому что перевертыши предавать не способны, кровопийцы держат в узде, а остальные вообще ни на что не способны. И все это равновесие обеспечивает Великий Кудесник. Вот он на своем месте, точно так же отвоевал это право. Но сколько он протянет? Максимум, пару тысяч лет.

– Заткнись! – Лю шагнул вперед, но Нанья ухватила его за локоть и удержала. – Заткнись, кровопийца!

Отрава тоже встала между ними, чтобы Лю не вздумал броситься в драку. Ради чего жизнью рисковать? Только потому, что кто-то за сотни лет скучной жизни напридумывал всякой чепухи?

Через минуту они снова шагали по пыльной дороге, но уже молча. А кровопийце удалось внести некоторую сумятицу в ее разум – нет, он оперировал домыслами, поэтому почти во всем ошибался, но нечто, пока неуловимое, в его словах заставляло думать еще и еще. И об этом «еще» с Лю точно не поговоришь, он принципиально запрещает себе об этом размышлять. Отрава никогда не примет сказанное на веру, но теперь она вообще на веру ничего принимать не намерена: в каждом вопросе есть подвопрос, в каждом правильном пути – неправильные ответвления. И абсолютно ничего очевидного. Ей нужно больше знаний, чтобы самостоятельно ориентироваться!

А пока лучше поболтать о ничего не значащих вещах, поэтому Отрава нарушила затянувшуюся тишину:

– Кристофер, почему кровопийцы должны быть высшей расой? Я думала, что все упирается в ваше бессмертие, но ты утверждаешь, что это не так!

– Потому что только кровопийцы – потомки Людей, – поскольку звучало очередное бессмысленное заявление, но никто не перебивал, он объяснял дальше: – Раньше, может быть, миллионы лет назад, в этом самом мире жили Люди. Не те люди, которыми мы сейчас называем всех говорящих и мыслящих, а наши истинные предки. От них не осталось ничего, что можно привести в доказательство, но нас учат так: они были смертными и жили недолго – примерно как сейчас возвращенцы. Старение сильно зависит от пищи. И поскольку пища необходима для жизни, но не может быть идеальной, то и старение неизбежно. Кудесники и перевертыши питаются, как и возвращенцы, но первым жизнь продлевает магия, а вторым регенерация. Но те Люди не обладали такими свойствами, и они изобрели способ изменить обмен веществ, замедлить его, но в этом случае единственным источником питания могла стать кровь живых существ. Что с ними произошло, мы только предполагаем по древним фолиантам, которые основаны на еще более древних фолиантах. Но есть вероятность, что там звучит хотя бы доля истины. И некоторые источники утверждают, что у тех Людей были железные птицы, способные переносить их по воздуху, сложные механизмы из железа и золота, которые сами изготавливали товары, оружие, которым можно было уничтожать целые города и страны. Думаю, что

это последнее и стало причиной их гибели – слишком могущественные, чтобы не разрушить мир, слишком тщеславные, чтобы остановиться. А мы, кровопийцы, потомки тех немногих, кто выжил, когда один мир рухнул и появился новый.

Он рассказывал совсем уж небылицы... А в Тихой Речке деда Ковра еще сумасшедшим называли!

– Ладно, – Лю к этому времени унял раздражение. – Если вы потомки неких настоящих Людей, то от кого тогда произошли все остальные?

– Мне-то откуда знать? От темного хряка, наверно.

Нанья только фыркнула. А Отрава все думала и думала о бессмертии. Кудесники живут в зависимости от своих способностей – и больше двух тысяч лет даже наисильнейший из них не протянет. Кровопийцы могут существовать гораздо дольше, но платят за это... «изменением обмена веществ».

Перевертыши тоже смертны, насколько сами верят. Они в глубокой старости, которая с самыми сильными из них приключается через несколько столетий, переворачиваются последний раз в волков и уходят в леса. А что дальше с ними случается – никто не рассказывал. И оставшаяся родня, будь то перевертыши, кудесники или возвращенцы, устраивают поминки. Хоть перевертыш и умрет в лесу неизвестно когда, но день его памяти не откладывают, ведь все равно уже не вернется. Убийство черного волка в Левоморье по этой причине приравнивалось к убийству человека. Направить на него оружие можно только в случае угрозы собственной жизни. И даже сами перевертыши не думали, что в волчьем обличье они существуют бесконечно.

Про тухляков толком никто ничего не знал – мудрейшие создания в мире, которые не желают делиться мудростью. Возможно, они по-настоящему бессмертны, но кто бы захотел оказаться на их месте? А если Великого Колеса Жизни не существует, и каждая смерть возвращенца – смерть окончательная? Насколько Кристофер ошибается, и в чем он прав? Отраве вдруг захотелось, чтобы кровопийца остался с ними – нет, не потому, что он вдруг перестал ее раздражать, просто пока ей виделось, что он единственный, с кем такие вещи вообще можно обсуждать.

Однако очень скоро ее мнение переменилось.

– Слушай, Кирами, – начал Лю. – Мы уже подходим к Серебряному Облаку. Давай сразу договоримся – там расходимся. Не заставляй тебя силой гнать.

– Нет, перевертыш. Я слишком много времени провел в обществе разбойников – от них научился быть назойливым. А еще мне интересно, как ты меня гнать собираешься.

– Да зачем мы тебе понадобились? – возмутилась Нанья. – Прицепись, как лишай к заднице, к кому-нибудь другому!

– Нет, аппетитная, такой интересной компании я больше не найду, уверен.

– И что же в нас интересного? – спросила Отрава.

– У перевертыша явно что-то значимое на уме, и это связано с тобой. Он на меня не кинулся только из опасений, что ты пострадаешь. Но он в тебя не влюблен, если интересно. Сердце при страхе и страсти стучит по-разному. Так что тебе ничего не светит, возвращенка.

– Чего это ей не светит? – Лю остановился.

Отрава тоже замерла, готовая прямо на месте умереть со стыда, но ей не повезло – она продолжала стоять, все сильнее и сильнее краснея, и слушать при этом монотонное объяснение:

– А вот у нее сердце стучит совсем иначе, перевертыш. Я еще в сарае заметил, но сейчас уверен – она в тебя влюблена, хочет тебя и ревнует, даже к кудеснице. Скажите спасибо мне, что ситуацию разъяснил. Но, как по мне, ей только повезло. С перевертышем жить – от скуки выть.

Лю вылупил на Отраву, но быстро собрался и отвел взгляд, тоже стушевавшись. И как им теперь в глаза друг другу смотреть? Как вести себя? Кровопийца за минуту усложнил их

отношения до невыносимой тяжести! Отраве захотелось разрыдаться от отчаянья: неразделенная влюбленность штука весьма неприятная, но как жить, когда предмет обожания знает об этой влюбленности, но ответить на чувства не может? И не может оставить из-за долга!

– Ну ты и сволочь! – Нанью просто на части разрывало. – Полумертвая тварь! Ведь ты специально это сказал, не дурак же, чтобы не понимать! Ненавижу кровопийц! Только о себе и думаете, черви болотные! Убирайся, а то я тебе всю рожу огнем изуродую.

– Заживет, – он ответил, будто и не слышал оскорблений. – У меня только пальцы не отрастают, как выяснилось.

– А я потом еще раз изуродую!!!

– Жаль. Вот именно с тобой, аппетитная, я собирался подружиться в первую очередь.

– Лишая ты получишь, а не мою кровь, понял?!

– А. Раз ты настроена решительно, то мне с вами больше делать нечего. Но если понадобятся деньги – знаешь, где меня искать.

И просто зашагал по дороге дальше, оставляя всю троицу в полном недоумении. Одна Нанья продолжала кричать ему вслед проклятия, но даже ее словарный запас рано или поздно должен был иссякнуть. И тогда придется чем-то заполнять ту пропасть, которую Кристофер Кирами оставил между Отравой и Лю.

Эпизод 8. Девушки в нижних юбках

- Лужица! Здоровья твоим рукам, лучшая, но самая медлительная повариха Левоморья!
- О! – пышнотелая владелица всяя кухни отбросила полотенце на стол. – Нанька моя вернулась! Хоть будет с кем поскандалить на равных! Иди, родимая, я тебя шлячкой накормлю.
- Шлячку сама ешь, а мне зажарь кабанчика!
- Ишь, раскомандовалась, обжора!

Нанька будто расцвела, как только они зашли в заезжий дом. Последние пару часов, пока они добирались до города, а потом еще говорили со стражей, она всеми силами поддерживала видимость непринужденной болтовни, но обстановку вряд ли сильно разряжала. И вымоталась от такой тяжелой ноши, но вот теперь с возвращенкой Лужицей, так схожей с ней темпераментом, перекрикивалась от чистого сердца. Нанька тут же бессовестно вторглась и на кухню, чтобы покомандовать там. Или отдохнуть от своих молчаливых друзей, оставив их в компании друг друга рассаживаться за столом.

Отрава поняла, что этот разговор придется пережить – и чем раньше, тем безболезненнее:

– Лю, послушай... Кровопийца... он сильно преувеличил...

– Отрава, я вообще его словам значения не придал! – она уж было подумала, что застала тот редкий момент, когда перевертыш врет, глядя прямо в глаза, как он и сам не выдержал. – Точнее... я теперь понимаю, что все это время был... симпатичен тебе, но раз ты сама об этом говорить не хотела, значит, не настолько уж сильно.

В его последней фразе прозвучала вопросительная интонация. Или надежда. Ему, как показалось Отраве, от этой ситуации было не менее неловко, чем ей самой. Потому она заставила себя быть смелой – трусить можно только в том случае, когда еще есть куда бежать:

– Да, Лю, ты мне нравишься. Возможно, понравился с первого взгляда. Но я не жду от тебя ничего. Честное слово, не жду!

– И не надеешься?

– Нет!

Тут Отрава соврала – хвала звездам, возвращенцы это умеют делать преотлично. Несмотря на то, что Лю не дал ей ни единого повода для надежды, она все равно продолжала мечтать. К счастью, их приключения пока не давали шанса надолго остаться наедине со своими мыслями. Но Лю этим ответом удовлетворился:

– Это хорошо, Отрава. Потому что я не смогу оставить тебя, даже если этим буду причинять тебе боль. По крайней мере до того момента, пока не передам в руки Великого Кудесника.

– Я знаю, Лю, знаю. И даже обижусь, если ты навсегда пропадешь из моей жизни, когда достигнешь цели! Разве мы не стали за это время друзьями? Разве это не важнее... моей симпатии, которая скоро пройдет?

Теперь он улыбался шире и искреннее:

– Надеюсь. Тогда что, все как раньше?

– Все как раньше!

Она сказала это уверенно и тоже облегченно рассмеялась, пожимая его руку. В конце концов, шаткая неопределенность лучше, чем предыдущее напряжение. Мимо стола проплыла барышня в слишком плотном для такой жары бархатном платье и приветливо кивнула Лю. Он заметно напрягся и кивнул в ответ, а Отраве на всю оставшуюся жизнь расхотелось улыбаться. Ну конечно же, все как раньше! Да ничего подобного!

Волнение Лю, когда он увидел ту девушку, послужило абсолютным доказательством предположения, как именно эти двое были знакомы. В последний ли его визит в Серебряное Облако или еще до того, но факт остается фактом – его извиняющийся взгляд был Отраве

совершенно ненужным. Словно теперь он обязан считать себя предателем, здороваясь с женщинами, которые...

Понадобится время, чтобы им обоим с этим примириться. А пока можно радоваться достигнутому. Еще и Нанья подлетела к ним, выставляя с подноса тарелки, словно уже успела устроиться тут на работу. Лужица тоже подошла:

– Вы надолго к нам, ребята? Оставайтесь, погостите! Вот только предупреждаю, – она перешла на шепот, – незадолго до вас к нам заселился кровопийца!

– Знаем, – ответил ей Лю. – Нам сразу об этом сказали, когда ключи от комнат выдавали.

Когда уставшая троица услышала эту новость, то даже не удивилась. До замка Кирами путь неблизкий, неудивительно, что Кристоферу надо отдохнуть и отмыть свои белые волосы до фамильного цвета. Да и городская стража его опросила в качестве жертвы и свидетеля. Об убийстве крестьянина он на этот раз не упомянул – это Лю выяснил, когда сам отчитывался. Но это преступление кровопийце списали, ведь вышло так, что впоследствии он убил множество разбойников. Так что страже пришлось выбирать из двух вариантов: либо выставлять его убийцей, либо героем. Поскольку в качестве доказательства вины был только его, почти умирающего, бред, они уверенно выбрали второй вариант. Даже Лю признал – если бы не Кристофер, пусть и вынужденный в этом участвовать, о победе над разбойниками сейчас и речи бы не шло. В Серебряном Облаке уже настолько отчаялись решить эту проблему, что были готовы парад устроить в честь кровопийцы... Но, конечно, не стали – люди бы не поняли.

Лужица же выпрямилась и произнесла торжественно:

– Конечно, сказали! Заезжий дом «Все включено» заботится о душевном благополучии каждого клиента! – и тут же менее торжественно пояснила: – Жаль только, клиенты это не всегда ценят – семейная пара старичков-кудесников тут же съехала и помчалась к конкурентам. Мало кто хочет оказаться с кровопийцей через стенку, хотя те уже лет двести ничего не творили в городе. Традиции сильны! Но зато с кровопийц мы берем за ночлег в пять раз больше. И стараемся не думать, где они перекусывают. Хотя этот вроде бы явился сытым...

Естественно, сытым. Он после разбойничьей трапезы, наверное, месяц не проголодается! Это вам не малюсенькая пробирочка со сданной кровью.

Но за пару дней, проведенных в Серебряном Облаке, они с Кристофером ни разу не столкнулись. Лю только в управе его видел, когда тот давал показания. Нанья и Отрава отдыхали и набирались сил перед долгой дорогой.

Приняв ванную, Отрава отправилась в свою комнату пораньше, но сон снова не шел – опять она тут, вынужденная оставаться на ночь в одиночестве. В заезжих домах было одно правило: каждого селили в отдельную комнату, если это были не родственники. Наверное, считалось, что торговец или путешественник имеет право отдохнуть, как ему хочется, без любопытных глаз друзей. Интересно, как отдыхает Лю? Договорился ли он снова с той девицей или сам спустился в бордель, как называла это странное место Нанья? Или предпочел не расслабляться вовсе, чтобы Отраве лишний раз беспокойства не причинять? А она даже не могла для себя решить, что лучше: чтобы он не обращал внимания на ее влюбленность, живя как раньше, или чтобы постоянно думал о ее интересах. Наверное, первое. Но при этом и ревность полностью игнорировать не получалось.

Как и в прошлый раз она подошла к окну, чтобы посмотреть на взошедшую ночную звезду и услышать внизу женский смех. От тихого стука подскочила на месте. Но стучали, как выяснилось, не в окно. Она осторожно приоткрыла дверь.

– Привет, возвращенка. У меня к тебе дело есть.

Отрава настолько опешила, что позволила Кристоферу отпихнуть себя в сторону и зайти в комнату. На этот раз он выглядел куда лучше, да и одеждой по размеру успел обзавестись. В руках он держал бумажные листы, которые кинул на ее разобранную кровать.

– Ты грамоте обучена? Красивый почерк? – он не обращал внимания на то, что она не отвечает. – Никак не могу написать так, чтобы выглядело женским почерком. Я без пальца и своим-то едва могу. Ну что ты стоишь, рот открыла? Хочу матери письмо написать – мол, помолвку мы с Лионессой по взаимному согласию расторгли. Вот ты за Лионессу и напишешь: «Простите, дорогая тетушка, но ничего, кроме дружбы... ля-ля-ля».

Он подождал минуту, потом медленно наклонил голову набок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.